

Эрнест Катаев

Обратная сторона любви

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эрнест Катаев

Обратная сторона любви

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Катаев Э. В.

Обратная сторона любви / Э. В. Катаев — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

ISBN 978-5-5321-2273-4

Живёт себе потихоньку молодая женщина Ирина - москвичка, всё у неё есть. Работа, деньги, квартира, любимый сын. Она не вспоминает своё бурное прошлое, как не вспоминает, что привело её к такой ровной одинокой жизни, где места нет мужчине, любви, где нет даже секса. А ведь мечты и планы у юной девушки были совсем другие. Не рассказывай о своих планах никому. Жизнь - штука многовариантная. Ищешь любовь, но любовь - штука очень индивидуальная, и если собственный стереотип не совпадает с жизненными реалиями, то находишь лишь страдания. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-2273-4

© Катаев Э. В., 2015
© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

Обратная сторона любви	6
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Автор ставит возрастное ограничение для читателей в соответствии с условиями, предусмотренными в статьях 29 [Конституции Российской Федерации](#) и 31 Основ законодательства Российской Федерации о культуре: 29+

Эрнест Катаев

Обратная сторона любви

Роман

Действующие лица:

Ирина – девушка, у которой немного не сложилась жизнь.

Мишенька – любименький сынок Ирины.

Георгий Иванович Босоцкий – её отец. Ударение на первую букву «о».

Любовь Онуфриевна Босоцкая – её мать.

Ваня – первая школьная любовь Ирины.

Костя – его старший брат-альпинист.

Ольга – её лучшая подруга, одноклассница.

Лиза – просто одноклассница.

Вера Михайловна – мать Вани.

Галина – вторая жена Георгия Ивановича.

Стёпка и Шурик – сыновья Георгия Ивановича во втором браке

Джарик – анапский гостиничный мачо и его несчастная

Мать Джарика

Кириша и Денчик, друзья – отдыхающие в Анапе

Сашенька – разбитная анапская официантка

Дирик института – неандерталец во власти, и его

Сынок дирика института, сука ещё та

Сергей – практикант в НИИ из техникума

Дирик пермского филиала института

Вася – мент, первый мужчина Ирины, и его сослуживец

Капитан уголовного розыска

Саша и Маша – лесбиянки из рассказа Васи

Виксус – девочка, которая хотела научиться летать

Карлитос – итальянский предприниматель, иванушка

Ваха – московский предприниматель с Кавказа, абрек

Всеволод Игоревич – руководитель крупного московского строительного холдинга

Машенька, Валюша и Катенька – его секретарши на ресепшн

Дмитрий Ильич – большой московский чиновник

Зоя – опытная стюардесса одной отечественной авиакомпании

Иринка – украинская проститутка в Хургаде

Эдик

Начбез – Начальник службы безопасности конторы Всеволода Игоревича

Супруга Всеволода Игоревича

Мадонна с младенцем Володенькой на руках, якобы сыночком Всеволода Игоревича, на пару с известным московским адвокатом

Ксюня – чувственная певица псевдонародных песен

Зиновий – страстный поклонник Ксюни

Витёк – мелкий грабитель из Тульской губернии, шаромыжник на гоп-столе

Саня – друг детства Эдика

Мать Сани

Памфнелла – полинезийская подружка Эдика

Мама Валя – воспитательница Эдика

Зеваки, прохожие, отдыхающие, стюардессы, сослуживцы, родственники, одноклассники, охранники, секретарши, бомжи и всякая другая шушера, и так далее...

Глава 1 Ванька

В этот утренний час вагон метро был ещё под завязку. Хотя час пик уже прошёл – основная часть пассажиров проехала от окраин в центр на свои рабочие места, где теперь корпели над ежедневными задачами. Толкучки не наблюдалось, но всё же пассажиров было достаточно: не давка – но много, свободно к дверям не пройдёшь.

– Ыыыыаааа!..

Да, бывает – дети иногда плачут, – это нормально, в этом нет ничего необычного. Утомился ребёнок, кушать хочет, боится шума и яркого света метро, множество незнакомых дядек и тётек, да мало ли, какие причины испуга или капризов. Но это если на руках или в колясках младенец.

Но не десятилетний же лоб.

В кепке с ушками, с ранцем за спиной, на котором рисунок сумеречного заброшенного замка, вокруг летучие мыши с оскаленными пастьми, и под ними волк в серовато-сиреновом ореоле. Наклейки и значки на ранце с тем же списком мистических животных и существ – бэтов и вульфов. На рукаве курточки нашита эмблема с клыкастой пастью рычащего на белый свет волка.

И Мишенька воет.

Это не плач, призыв о помощи или сигнал боли. Это скулёж – противный, мерзкий, терзающий душу и барабанные перепонки, мгновенно выводящий из себя любого, кто его слышит. Причём это очень качественный скулёж, отработанный и натренированный до совершенства в своём пронзительным душевынимающем сверлении.

– Хо-о-очу-у-у-у Ле-е-его-о-о-о!.. Х... Хо-очу-у-у... Л... Лье... Ле-е-е-е-е-е-его...

Совсем негромко, но очень-очень экселенц, твою мать. Профессиональный плакальщик, мать твою...

Люди оглядываются – даже сквозь грохот и стук колёс поезда они слышат этот призыв. Кое-кто с едва сдерживаемым презрением отворачивается, кто-то сочувствует, большинство в недоумении – мальчик уже не того возраста и по идее не в том периоде воспитания, когда ребёнку позволено так себя вести, и тем более так бесцеремонно на людях. Эх, если бы они знали...

Тли...

Вокруг меня – тли... Только тли. Даже моя любимая мама – тоже из породы тлей, ею так легко управлять. И я пасу их... Я пасу вас, тли...

Я невидим в ночи. В холодном сыром воздухе мои кожистые крылья бесшумно несут меня, мои когти и клыки к вашим белым мягким податливым шеям, тли. Вы все – тли...

А мой удар – безжалостен и точен! Мгновенный укол в артерию, жертва, даже не успев толком понять, что произошло, а уж тем более – сделать что-нибудь, будет биться в конвульсиях на моих руках и с каждым толчком горячая вкусная кровь льётся мне в горло...

Вся кровь, до последней капельки, будет мгновенно высосана летающим кровопийцей, ночным кошмаром, повелителем тлей, которые по глупости возомнили себя людьми...

– М... м-м-мама-а-а... Г... Кх...

– Ну, Мишенька, хватит.

Мать не смотрит на сына, он сидит перед нею, нашлось местечко между двумя пассажирами на трёхместном диванчике. Одной рукой она держится за поручень, другой намертво сшита с ручкой сына. Это рукопожатие кажется очень слабым – лишь кончиками пальцев. Но на самом деле нет более жёсткой и прочной сцепки.

Мальчик хнычет. Когда поезд отходит от станции – громче, когда останавливается – потише.

Парень слева привалился к бортику вагона и подперев рукой щеку, кажется, дремлет. На самом деле он матерится про себя. Справа бабулька делает вид, что ей нет дела до капризов великовозрастного оболтуса, она, мол – глуховата. Но вот мужчина, до недавнего времени стоявший у дверей спиной к ним, повернулся и с интересом смотрит на эту парочку. Мишенька это видит и потому заводит с удвоенным усердием:

– Хооооочууу в Макдооооональдсссс... Х... Ха... Ачуууу... В Мак... Доооооональдсссс...

– Доедем и я тебе куплю, – отвечает женщина, особо не вслушиваясь в нытьё ребёнка: всё всегда одно и то же. Она смотрит перед собой в тёмное окно с неясными полосами интерьера метрополитена и думает о своём, медленно перебирая слова и образы. Сын изрядно выкачал из неё энергию за это утро и сил особо чего-то отвечать нет.

Её зовут Ирина и ей 35. Она главбух, зарабатывает даже по московским меркам очень неплохо, ни в чём не нуждается, но имеет привычку экономить на всём для себя. Контора её отца занимается дорогами, известна и солидна, название у всех на слуху.

Женщина признаёт только чёрную тушь, больше никакой косметики и парфюма – любые духи воняют. Кто дарит – по глупости или по недомыслию, мгновенно переводится в разряд неприкасаемых плебеев. Потому что всё – для любименького Мишеньки. Подарки каждый день. Любые капризы.

Тонкие сжатые губы она не красит вообще никогда...

– Ма-а... м-м-м-ма-а... Гх... Кх-х... ку-ууупииии...

Я тебя так ненавижу, Мишенька. Просто всё нутро переворачивается, как я тебя ненавижу, любимка мой. Так врагов не ненавидят, сыночек единственный, как люто ненавижу тебя я... И я знаю – это просто такая любовь. Моя собственная, индивидуальная. Самая сильная, испепеляющая душу и пустое сердце – любовь...

Мужчина у дверей подаётся вперёд и, заглядывая ей в лицо, тихо спрашивает:

– А хотите, я его убью?

Может её качнуло в движении поезда, а может она сама так вяло кивнула, но мужчина с той же заинтересованностью и обаятельной улыбочкой кивает в ответ, делает шаг в сторону, выходя из-за поручня, достаёт из-за пазухи ПМ, передёргивает затвор, щёлкает предохранителем и высаживает полголовы Мишеньки выстрелом в упор. Ошмётки плоти и костей, веер крови разлетается позади кресла, со звоном уносится прочь в туннель выбитое пулей стекло, туда же Мишенькина кепочка, и вот она уже болтается в потоке воздуха, зацепившись за острый стеклянный зуб...

Мечты... Мечты...

Парень слева и бабка справа утираются от крови и мозгов мальчика.

Я тебя так люблю, сына. И как же я тебя ненавижу, родименький мой.

Это такая у меня к тебе любовь.

– Купи-и-и... – Ирину этот скрипучий голосок опять насильно вытаскивает из вязкого омута грёз.

– Доедем – я тебе всё куплю, – как обычно и не прислушиваясь, отвечает она.

Родители развелись, когда ей было 10 лет. И это как ни странно тогда принесло в её душу покой и облегчение. Отца, Георгия Ивановича, она практически не знала до пятилетнего возраста – он учился и приезжал нечасто. А обосновавшись с семьёй, так и не стал родным. Им с матерью было в женском коллективе проще и понятнее. Ира невзлюбила отца в первый же день, как он въехал по-хозяйски в их малогабаритную квартиру. Это с какой стати тут какой-то чужой дядька бесцеремонно влез в их идеальные отношения, сломал их давно заведённый порядок, заграбастал принадлежавшую только ей маму? Почему это этот дядька, которого требуется называть папой, заставляет есть суп и убирать игрушки? Бардак в квартире был всегда естественной формой существования, а тут! Девочка кричала, визжала и истерила. Её поначалу уговаривали, потом ругались, как-то упрасивали. Бесполезно. Иришка требовала со всей силой своей детской обиды то, что принадлежало по праву собственности только ей. И отступать она не собиралась. Кончилось всё тем, что отец просто приобнял маму за талию и увлёк на кухню, закрыв плотно дверь.

– Пусть орёт, – ехидно сказал он.

– Но как же... – слабо протестовала Любовь Онуфриевна.

– Поорёт – перестанет.

Так и случилось – ребёнок, утомившись, заснул на кресле.

Потому и не любила отца. Терпела, как сильного, которого не могла отодвинуть.

Отец пытался её задобрить – на следующий день принёс огромную куклу в красивом платье и с пышными бантами в синтетических волосах. Ладно, сказала тогда сама себе юная стерва, забирай маму. Но стоять это тебе будет очень дорого! И у них довольно быстро сформировался сепаратный мир, где хитрая девочка получала всегда всё то, что желало её избалованное шёлковое сердце.

Ну и развелись предки именно из-за патологической тяги отца к порядку, чистоте и нормальному житейскому домострою, где всё лежит на своих местах, режим дня (приём пищи и сон) выполняются по минутам, всё должно блестеть и благоухать! И – с другой стороны – абсолютное наплевательское отношение матери именно ко всему этому. Она, кстати, и была инициатором развода: «Заклевал, родимый!..» На работе ведь была авторитетом и душой компании, её обожали одноклассники дочери. А тут пилит и пилит, пилит и пилит, сил уж нет никаких!

Георгий Иванович съехал.

К Ирине с самого начала школы зачастили мальчишки и девочки, в основном одноклассники, но были и ребята постарше. У Босоцких гостеприимство было каким-то вычурным, мать семейства, активный член родительского комитета и сердобольный человек, иногда чуть ли не насильно приглашала ребят. Они мыли посуду, протирали пыль, чистили картошку, как-то само собой стали участвовать по собственной воле в готовке и уборке, и нередко допоздна базарили на кухне за жизнь. Гоняли чай с вареньем, которое сами и приносили. Вот такой местечково-квартирный клуб по интересам. Любовь Онуфриевна сидела с молодёжью, иногда вставляла свои пять копеек, чаще молчала и чувствовала себя великолепно, лишь изредка раздавая указания – чего и как надо сделать по дому или по готовке. Дети снимали с матери Ирины так нелюбимую ей рутину домашнего хозяйства. Так продолжалось много лет, постепенно перейдя в некое другое, более взрослое качество. Как-то ребята, скинувшись, сделали очень даже приличный ремонт, в память о прекрасных дружеских вечерах. Другое дело, что этот ремонт при таком пренебрежительном отношении к чистоте и порядку требовал постоянного обновления, но не об этом сейчас речь.

После развода, Ира, само собой, осталась с матерью, но с ней жизнь подростку была не такой уж и солнечной. Излишняя общительность мамы доводила дочь до белого каления. К

тому же столицу зачастили многочисленные родственники по деревенской линии (причём и с отцовской стороны), беззастенчиво вваливаясь к ним, нередко даже не предупредив. Иногда все спальные места были заняты и гости располагались на сон на полу. Из-за многочисленных посиделок столы (кухонный и обеденный в комнате и даже журнальный) были постоянно кем-то или чем-то заняты и девочке приходилось делать домашнее задание, чирикавая буквы и цифры буквально на коленке – примостившись на подлокотнике кресла или дивана. Играла она, сжав и без того тонкие губы, лишь с приезжавшими детьми родственников, а они, как правило, были гораздо её младше. По сути, ей спихивали мелких, никогда не интересуясь – хочет ли она сама этого. Ирина злилась или скучала – деревенские дети ей были противны, убоги и неинтересны. Параллельно в квартире стоял несмолкаемый гул от одноклассников и друзей одноклассников, которые галдели, курили с её матерью и гостями, которые вообще не думали об удобствах хозяев.

И потому с самого детства Ира невзлюбила гостей. Вообще. Никаких. В пик общительности матери. В пик навязчивости и бесцеремонного вмешательства в её личное пространство.

С одноклассниками она поддерживала, конечно, приятельские отношения, но если бы они знали, как она едва терпит их. А ребята с удовольствием посещали их квартиру, многие по несколько раз на дню в выходные, беспрестанно создавая фоновый шум, хлопали дверьми, занимали туалет, курили на кухне – не поесть толком, засиживались нередко допоздна, смотрели в телике свои программы...

И ещё Ирина тайно ненавидела свою фамилию – Босоцкая, с ударением на первую «о», и каждому приходилось объяснять, что не на вторую. Это началось ещё с детского сада, когда мальчик, которому она нравилась, не придумал ничего лучше, и, кстати, с подачи своего старшего брата-раздолбая, принялся не только дёргать Иришку за косички, но и громко обзывать БосОтой. В шестнадцать лет (тогда выдавали главный документ с такого возраста) получив паспорт, Ирина изменила фамилию и стала Островская.

Естественно – никого не спросив.

Мать пришла в ужас, узнав об этой выходке своей тихони. И то только потому, что сама бесцеремонно влезла к ней в сумочку и взяла паспорт – «посмотреть». Разразился скандал, но дочь вдруг проявила такое упорство, что мать захлебнулась в собственной желчи.

Людмила Онуфриевна тут же настучала бывшему мужу на дочь. Но к её раздражению он встал на сторону Ирины, лишь хмыкнув в ответ. Ему давно было понятно, чего из себя представляет дочка, а его мужские амбиции вполне реализованы рождением двух сыновей во втором браке.

– Покажет себя ещё Ирка, вот увидишь, покажет, – сказал он нынешней жене Галине, кладя трубку. – Упрямая и решительная – в мать, а головастая – в меня.

Георгий Иванович, кстати, был автоконструктором и отличным инженером.

А Ира и не думала останавливаться – взрослея, она всячески старалась оттолкнуть свою прошлую жизнь. В последних классах школы она постепенно превратилась в одиночку, всё чаще и чаще, не считая нужным терпеть тупость и невоспитанность своих близких и знакомых, жёстко и прямолинейно высказывала им своё недовольство, вовсе не стесняясь в выражениях. Народ школьный в удивлении от таких перемен довольно быстро оставил её в покое, а вот дома ребята принципиально продолжали общаться с мамой – она оставалась для них подружкой. Ну а Ирина – что ж, пусть сидит букой, не больно и надо было, есть с кем потрепаться. Хотя Ольга – её лучшая подруга, казалось, не замечала перемен в ней, общалась со всем семейством одинаково. Гости с деревень как-то сами собой приезжали в те годы реже, что способствовало установлению душевного равновесия госпожи Островской.

Дочь пошла по стопам отца, отучившись на инженера-металлурга. Она с успехом работала некоторое время в профильном НИИ, но после неких событий, речь о которых ещё впе-

реди, осталась без работы. Ирина, как пришла в себя, не стала ничего выдумывать, просто оторвала первый попавшийся кусочек бумаги с номерком телефона с объявления на курсы бухгалтеров. Как увидела на столбе, так и пошла на курсы.

Подкопив денег, отец помог, воспользовавшись дефолтом девяносто восьмого года, когда цены на московское жильё рухнули до минимума в истории столицы российской империи, она купила себе двушку в одном из спальных южных районов. Дом был блочный, не новый, но не «хрущёвка», вполне ничего себе. Предстоял ремонт, который в конечном итоге значительно передвинул переезд.

А мать от этой покупки пришла в ужас второй раз в жизни:

– Ты меня бросаешь? Я же старая и больная!

– А я молодая и здоровая! – отрезала дочь. – Ты всех моих женихов распугала, а я хочу семью и детей!

Ну, вообще-то, положи руку на сердце, не было особо у Ирины женихов...

– Разве я тебе мешаю?.. – робко зашла с другой стороны Любовь Онуфриевна.

– Мешаешь! И хватит об этом, я уже всё решила.

– Правильно, правильно, – опять поддержал её отец, когда мать нажаловалась ему по телефону в очередной раз. – Мне внуков пора иметь...

Эх, если бы он мог только предположить, что за внучок будет у хорошего человека...

– Эххх... Кыхм-м... купи-и-и...

Чтоб ты сдох, любимый!

Ирина уткнулась лбом в костяшки пальцев руки, которой держалась за поручень, и закрыла глаза. Чтоб ты сдох, тварь! Обожаемый сыночек. Обожаемый до дрожи, настолько, что и минутки без тебя провести не могу, ни секундошки ведь без кровиночки любимой... так бы и сожрала с потрохами сынулечку!

Кто-то теребит её за коленку, Ирина открывает глаза – прямо перед ней сидит старушка и участливо смотрит снизу-вверх:

– Устала, поди?

Женщина неопределённо пожимает плечами, как-то мечты ещё не оформились в данный момент поездки.

– А хочешь, заберу твоего мучителя? А?.. Не хочешь? Так я его на лопату посажу, в печь мою запихну, там он и сжарится. А потом я его съем, а косточки закопаю, и следа не останется... Хошь?..

– М... М-мам-ма-а... Кхы-гшгхы...

– Я тебе... куплю... – несколько невпопад отвечает женщина, – как доедем, всё тебе куплю.

Только отстань, хоть на минутку, мозгоед.

В общем-то, Ирина никогда не отличалась красотой, если честно. Черты лица её были мелки и невыразительны, тонкие губы по ощущениям с первого взгляда – не созданы для поцелуев и любовных утех. Глаза были посажены довольно близко друг к другу, и иногда казалось, что девушка косит, но не мило, а с глупой. Волосы были густыми, но вечно с проблемами – «я у мамы вместо швабры». Носогубные складки делали личико немного презрительным, как будто Ирина заведомо ставила себя выше других. Её оттопыренные уши давно стали притчей во языцех насмешников, о них речь впереди. Фигура с детства была «мальчиковой». После рождения ребёнка она несколько изменилась, стала более округлой, женственной. Но у Ирины никогда не было вкуса, и она одевалась всегда тяп-ляп, в тёмные или несовместимые цвета, бесформенные пуловеры, джинсы, и так далее.

Ольга многократно дарила ей красивые вещи, таскала с собой по распродажам и навязывала свой взгляд на одежду. Но вещи, пришедшие от неё, куда-то терялись, запихивались, и опять Ира превращалась в натуральную серую невыразительную мышь. Косметикой она практически не пользовалась, так – губки разве что сиреневой помадой, ни черта не идущей к её смуглому лицу и тёмным волосам, да немного туши.

Духи Ирина на дух не переносила, вот такое странное свойство. Лишь один раз, учуяв странный аромат в вагоне метро, нагло протолкалась и чуть не облизала девушку, так её увлёк этот странный терпкий мускусный запах, напоминающий тину и подмышки. Пассажирка вышла на станции, с опаской оглядываясь на Ирину, а та так и не решилась спросить, что это были за духи... Да и духи ли это были?..

Тем не менее, она тоже влюблялась. Редко, но так метко, что крыша ехала на гастроли в Астрахань. Любовь приходила к ней с такой силой, что девушка просто сходила с ума, безумела, как мартовская кошка.

Первой её любовью был одноклассник Ваня, тот самый разбитной мальчишка, когда-то дёргающий её за косицы и обзывающий странным прозвищем Босота. В общем-то, он был вполне неплохим парнем – в меру добрым и отзывчивым, верным в дружбе, хотя несколько агрессивным: по мальчишески ершистым. Жизнь со старшим братом, спортсменом и бабником приучила его быть быстрым на слово и драку, а с девочками – в меру наглым и напористым. Закурил с седьмого класса, увлёкся баскетболом, был капитаном школьной команды, выигрывал соревнования. За курево периодически огребал от брата и отца, но переносил это стоически, полагая, что это естественная дань взрослению. Ирина его вообще не волновала и не интересовала даже в теории – детсадовская любовь давно прошла, завяли помидоры. Даёт тёлка списывать, значит можно дружить, типа. На выпускном вечере он тусовал с грудастой Ольгой, обжимал её в медляке. Тут и узнал на ушко о страстях, бушующих в под закрытом глухим девичьем платье серенькой мышки.

– Эта лопоухая в меня втюрилась?! – не поверил он, прижимая к себе упругую и сочную Ольгу.

– Только не говори ей, что я это тебе рассказала, – заторопилась девушка, почуяв укол совести: получалось, что она выдала самый главный секрет подруги, подставила её.

– Да ладно!.. – Ваня резко прижал к своему естеству объёмную Ольгу с таким напором, что у неё перехватило дыхание, как будто у них и не было скоротечного бурного секса пятнадцать минут назад в лабораторной по химии, где Ольга помогала училке готовить опыты и потому имела дубликат ключа. – Так может она мне даст в честь окончания школы и вступления во взрослую жизнь? Пусть пригласит меня, сейчас я ди-джея попрошу объявить белый. Небось, женщиной хочет стать, что сучка, хе-ех...

– Пошляк! – Ольга оттолкнула парня, чуть не разрыдавшись от стыда, и бросилась прочь из зала. Но она была отходчивой девушкой с доброй натурой. Потому уже через десять минут, выкурив на балконе сигаретку, она вернулась и танцевала с мальчиками, как ни в чём, ни бывало.

Объявили белый танец. Ваня, подождав с десятков секунд, матросской развязной походкой подрулил к Ирине, подпирающей стенку, и кивнул, приглашая.

Да, по идее белый танец, но Ваня был уже опытный мужчина и прекрасно понимал, кто должен вести первую скрипку в отношениях, чтобы способствовал ему успех. А смысл успеха у мальчика-старшеклассника есть только один. К тому же Ванька, подогретый соткой водки, торопливо заглохенной в туалете без закуся, (бутылку ребята спрятали в бачок накануне; чуть не поперхнулся, блин!), в трёхминутном перерыве между торжественной частью с вручением аттестатов и застольем с бутылкой шампанского на шестерых, уже чувствовал себя опытным

сердцеедом и покорителем Эвереста одновременно. Съеденное сердце и покорённая вершина, конечно, были в образе Ольги.

Ирина едва не упала в обморок в те несколько секунд, пока Ваня, сверля её взглядом, пересекал зал, точно направляясь к группе мышек, обтирающих платьями высоченные портьеры, закрывающие окна. Да, в классе было много мышей.

А Ванька почти грубо, бесцеремонно и даже не предложив словом, а просто кивнув, как приятелю, схватил девушку за мгновенно вспотевшую ладошку и вытащил её прямо на середину зала, словив недоумённые и завистливые взгляды мышей и возмущённый взор Людмилы Онуфриевны. Женщина сама ещё накануне вызвалась пасти молодёжь, будучи активисткой родительского комитета. Скрестив руки, она с подозрением внимала на детей, кислым видом внося уныние в их желающие кутежа сердца. Другие родичи предлагали ей несколько раз пойти «попить чаю и не мешать молодёжи», но Людмила Онуфриевна отказалась, оставшись в конце концов одиночестве.

У Ирины дрожали ножки за коленками, уши заложило ватой, музыку она толком не слышала, всё было как в тумане. Водки запах в смеси с куревом и жевачкой, волнами толкающий ей в лицо, действовали, как приворотное зелье. Она положила руки на Ванькины плечи, чувствовала твёрдые мышцы спортсмена, его сильные руки, так страстно и нежно стиснувшие тисками её талию и кое-что ещё – там, внизу живота... Это что-то твёрдое недвусмысленно тёрлось в ритме танца о её чуть выпуклый животик, отчего она впервые в жизни почувствовала, что в её щёлке непонятно откуда стало скользко-прескользко и она так одуряющее может тереться стенками сама по себе. Её небольшие сисечки вдруг стали сосками колом вперёд, лифчик оказался стальным глухим корсетом, который не даёт дышать, а воздух – тягучий, одуряющее пьяный. Сисечки упёрлись в тело одноклассника, она хотела было отстраниться в смущении, но от этого самого смущения как-то уже ничего и не осталось, потому она просто потекла, как ручей в Ваньку. И всё естество, все мысли девушки, точнее – все ощущения сконцентрировались где-то сладко внизу, внутри у самого выхода щёлки, там, где намокшие трусы стали тереть разбухший валик под косточкой...

А что-то жёсткое между ног у Ваньки, о чём она не желала думать и представлять, но не могла не думать и не представлять, что это такое, как выглядит, что может сделать с её маленькой влажной и липкой щёлкой... Это самое, как она чувствовала, становилось всё больше и жёстче, продолжало так же тереться медленно и ритмично под музыку, унося её разум куда-то вверх по портьерам, по стенам зала, за крышу, в темнеющие небеса. Ира бестолково перебирала ногами, трясясь всё откровеннее, почти повиснув на молодом активном жеребце, от которого уже даже пахло возбуждением, топтала ему ноги своими маленькими туфельками по лакированным ботинкам. И трусила. И телепалась, как рваное знамя на ветру, ставшее половой тряпкой. Это было знамя крепости, которое сдалось на милость грубого и нахального победителя, которому нужно было только одно. И это одно, одно-единственное, наплевав на всех, девушка была готова немедленно отдать прямо на полу этого долбанного зала, забыв о стыде.

А мать с яростью и возмущением, закипая всё больше и больше, пялилась, хмурилась брови и кривя рот, на бесстыжую дочь, которая так унизила и обесчестила её при всём честном народе. Любовь Онуфриевна, не выпив ни грамма алкоголя, сохранив холодный рассудок, не впуская в сердце ни йоту радости от праздника взросления дочери, окончание ею школы, (которая, если честно, давно надоела женщине своим плохим по её мнению уровнем образования и бесстыжими поборами, которые больно били по семейному бюджету), теперь испытывала бешеную ярость и безумный стыд. Она хотела убить Иру прямо здесь! Придушить её! Растоптать дочь ногами! Забить ремнём, который оставил муж! А этого мальчишку выпороть и расцарапать лицо! А его матери высказать, точнее – выорать всё, что она думает об их семье и царящем в ней празднике непослушания при отсутствии элементарного воспитания! Сексуального воспитания детей!!!

Но маманя беспокоилась о целомудрии доченьки в этот вечер зря – кому-то сверху (а может – и снизу), было забавно наблюдать за мучениями и душевными терзаниями молодой девушки, только-только вот в этот момент почувствовавшей себя женщиной.

Ваня напился. Банально и по-свински.

...А музыка как раз, к сожалению парочки – закончилась. Ванёк медленно отлип от себя мелко-мелко трясущуюся Иру, и ему, между прочим, этот танец и реакция девушки весьма понравились, он уже не ради хохмы, а серьёзно захотел трахнуть мышку, почувствовав в ней «потенциал». Потому решил сделать перекур, собраться с мыслями, обдумать, как действовать дальше (он-то прекрасно видел молнии в глазах Людмилы Онуфриевны и не желал проблем и разборок во время праздника). Ирину оставил в зале, просто буркнув ей – «покурю пока». Она бестолково кивнула, сжавшись, на сколько смогла в комок, и на деревянных ногах (трусы предательски намокли и тёрли-тёрли-тёрли!!!) отошла к портьерам, где на неё взирали со страхом и дикой завистью остальные мыши – между прочим, Ваня был парень-то видный. И многие хотели сегодня вкусить вместе с ним хотя бы самую малость разврата. Мать в возмущении решила пока при всех не дёргать дочь, но дома обещала сама себе обязательно устроить ей грандиозную выволочку!

Так вот, Ванёк поднялся на второй этаж и вышел на балкон. А там с крыши спустил ему тихонько на фале бутылку водки старший брат-альпинист Константин.

Вот представьте себе – Ваня стоит на балконе прямо над ярко освещённым крыльцом школы, но несколько в тени и потому снизу не виден. Стоит весь такой важный, крутой, самоуверенный и возбуждённый. По сути – весь мир у его ног! Школу охраняют бдительные родители, два чоповца, учителя во главе с директором. А ему – похеру! Само здание ещё днём было проверено-перепроверено сто раз, заперто на сотню замков. По периметру с начала мероприятия обходили приглашённые собачники с алабаем и восточно-европейской овчаркой (они тихонько пили коньяк из фляжек и к часу ночи незаметно смылись). Но братец Костя нашёл-таки способ разговеться пацанам, вступающим во взрослую жизнь. Он само собой думал, что Ванёк поделится с друзьями, а тот – ну такое запаadlo устроил!.. Своим ребятам! Эх, Ванька...

И выпускник прямо там, на балконе, скрутив торопливо пробку, высосал давясь и обливаясь из горла водки столько, на сколько хватило силы и духу... Бутылку где-то оставил там же на балконе, в теньке от крыльца (мол, заначил), постоял минут пять, порыгал и потом полетел!

На лестнице меж этажами его выполоскало в первый раз, но впиталось в молодую башку уже достаточно. Способствовало сему пренебрежение взрослым мальчиком еды, нервотрёпка торжественной части и частое курево.

И выпускник летал по школе, пугая граждан остекленевшим взглядом, наводя ужас на родительский комитет и чоповцев, которым обещали магарыч и премиальные по результатам сухого вечера. Ваня остервенело плясал, оглашая зал гулкой икотой, разговаривал с невидимыми собеседниками отрывистыми междометиями, вроде читал стихи и махал им в такт руками, ногами, рубил ладонями воздух, порвал три пуговицы на своей дорожке, специально купленной к такому событию, рубашке. Он, видите ли, так залихватски рванул её ворот «пофлотски», выходя соколом в круг, что китайские шёлковые ниточки не выдержали русского плясового угара! Хотя кое-кому в тот момент показалось, что Ваня исполняет роль: «А стреляй, с-сука! Всех – не перестреляешь!!!»

Он несколько раз звезданулся в пляске на ровном месте, не важно, что за музыка звучала в те моменты. Каждый раз вскакивал, как ему казалось – мгновенно, выпучив глаза и невнятно матерясь, хватаясь за кого-то из одноклассников, те прыскали в разные стороны.

Потом он на несколько минут выпал из поля зрения, но передышка была недолгой: выпускник вдруг кубарем, плюясь и ругаясь, скатился с лестницы со второго этажа – как не сломал себе шею, не понятно (наверх его понесло желание добавить, но заблудился в трёх соснах в поисках выхода на балкон).

Эта встряска подействовала, как два пальца в рот и молодой ухарь с разбегу метнул харч праздничного вечера прямо посреди танцевального зала. И потом там же в завершение этого грандиозного пьяного бедлама, в каком-то безумном танце, он поскользнулся на собственной блевотине и со всего размаху приложился затылком об пол прямо у ног не состоявшейся, но заведённой донельзя пассивности. И улетел с вечера окончательно.

Его быстренько унесли в один из классов, потом на такси с неожиданно нарисовавшимся старшим братом Костей – домой. Праздник продолжился. Харч мгновенно затёрли. Никто никогда не вспоминал об этом недоразумении. Чоповцы получили своё сполна – мол, всё было в порядке.

Утром Ваня мучился грандиозным невиданным доселе похмельем.

Даже брат его пожалел.

А Ирина простила Ваньку. Не в последнюю очередь – из-за матери.

– Ты вела себя как последняя вокзальная проститутка! – Любовь Онуфриевну пережитый шок подвигнул на литературные изыски в обличительном слове прямо за завтраком. – Нет! Как сучка, у которой – течка! О-о-о! – патетически потрясая пальцем, указанным в потолок кухни, возмущённая мать с трудом подыскивала слова. – Какая же ты, оказывается, дрянь, а?! Вся в отца! Бестолочь! Ты готова была лечь под этого пьяницу прямо там, при всех! Отдаться не кому-нибудь, а алкашу! Семейка алкашей! Позор мне! Воспитала такую дрянь! Что теперь люди говорят!..

Ирина кусала губы и прощала, прощала, прощала своего непутёвого Ваньку!

Мать решила устроить дочери бойкот, но в силу своего гипербобщительного характера смогла выдержать лишь до обеда.

А Иван практически через сутки уехал с братом на заработки. Оттуда его забрали в армию и целых два с половиной года они с Ириной толком не виделись.

Но между ними возникла активная переписка, отчасти потому, что наивная девушка повелась на его первое же письмо. Эти письма и активная учёба помогали ей пережить разлуку.

Она высылала парню курево, ездила к нему на присягу в дальние дали, потратив заначку и влезая в долги. Потом, через почти год, были учения, после которых личный состав общался с родственниками и где они впервые подержались за руку полчаса. Ирина, по возвращению домой вместе с матерью Ваньки, уже считала себя «его девушкой» с абсолютными ясными перспективами. И потому с возрастающим нетерпением ждала любимого. Да, на тот момент она своё будущее на ближайшие десять лет видела чётко и недвусмысленно. Правда, вращались слухи, что Ванёк в этих самых дальних далях вовсе не следует принципу верности и даже, как вроде бы рассказывал его брат, солдатик загремел в госпиталь с трепаком...

И что вроде бы он переписывается не только с Островской.

Болтали, да-а, всякое болтали завистники – знала Ира. Завидовали их счастью, потому и языки свои поганые распускали, сволочи! Ирина гневно отвергала даже самую вероятность неверности любимого, мол – *эти ваши поползновения на честь и достоинство жениха просто мерзки! А я знаю, что Ванечка – не такой! Ясно вам?! Никто не имеет права разрушать мои планы, влезать своими грязными лапами в чистые девичьи грёзы! Даже теоретически!*

– Я – его невеста! – гордо говорила она.

– Он тебя звал, а? – вопрошали в ответ подруги и одноклассники, сидя за столом на кухне, маманя с издевательской ухмылкой поднимала брови, как бы присоединяясь к вопросу.

– Не звал! Но Ваня – честный человек, а я в людях разбираюсь.

– Ну-ну...

Короче – легче было папу римского обратить в мусульманство, нежели разубедить Иру. И она дождалась...

– Ирка, я дома, – услышала она в трубке домашнего телефона несколько изменившийся голос возлюбленного, и чуть не завопила от радости.

– Я сейчас прибегу!

– О, нет-нет, не надо. Извини... Я устал очень.

– А-а... да. Да-да.

– Понимаешь, мы в аэропорту на вещах сидели с ребятами пять суток, ждали борт, который бы шёл на Чкаловский, попутно. Вообще ни поесть, ни поспать толком. Я такой грязный, как после выгула нашего пса в марте. Сейчас помоюсь, поем чего... Ну, с батей выпьем... Немного, за приезд. И спать.

– Конечно, отдыхай милый.

– Я завтра сам, как просплюсь, забегу, ладно? Ты не обижаешься на меня, мой мышонок?

– Нет-нет, что ты! Разве я не понимаю! Отдохни, хорошо отдохни, Ванечка.

– Как выплусь с дороги, так и...

– Да-да!

– Пока.

– Спокойной ночи...

Она пересказала матери разговор, но та как-то странно криво ухмыльнулась в ответ.

– Он пьяный был?

– Нет! С чего ты взяла!

– Так... просто...

Ирина так и не смогла сомкнуть глаза в эту ночь. Как назло, обычно забитая друзьями или гостями квартира была пустынна, Любовь Онуфриевна, покурив и глянув новости, пошла спать, явно не намереваясь скоротать ожидание счастья дочери. Телевизор вообще не воспринимался и тупо раздражал. Залезла в интернет, некоторое время пошлялась по страничкам, посетила свою социальную сеть. Еёхватило лишь на то, что бы поменять статус с «в ожидании» на «счастье завтра». Потом вяло ответила на пару писем, записалась на интервью по вакансии – она теперь будет замужняя дама, и деньги не помешают молодой семье. В аське увидела Ольгу, перебросилась парой ничего не значащих фраз. Вроде подруга спросила про Ваньку и что делаешь. Ирина ответила, возможно – невпопад. Попрощалась и отключилась. Было полвторого ночи. Посидела в ванной, поливая себя горячей водой, глаза закрывались, но что-то мешало ей расслабиться. Побрела в кровать. И начала грезить.

...Свадьбой. Как её выкупают, как мать не даёт ей выскочить из квартиры, а парни Ваньки её оттесняют и запирают в ванной – вот смеху-то всем!

...Первой брачной ночью. Нежные и сильные руки мужа. Он такой заботливый, такой внимательный.

...Беременностью – ведь она обязательно забеременеет в первую же брачную ночь, а как иначе? Представляла, как ходит с животом, неуклюже так, переваливается, ноги колесом и сама над собой смеётся – «ну ты как колобок, ду-ура!»

...Сыночек. Обязательно: такой же, как папка – сильный и упрямый, мужественный и решительный. Девочки от него в восторге – парень открытый всему миру, немного грубоват, но это так надо. Маленький Ванечка. Иван Иванович, натурально – мужичок!

Не выдержала – надела наушники и включила плеер с той самой музыкой с выпускного. И опять Ванька хватал её по праву победителя сильными руками, сжимал грубо и сладко до дрожи, до безумства – так, что сердце колотилось в грудную клетку, в ушах гулко ухало от этих объятий, которые уже не были воспоминаниями. Девушка сжалась в комочек, её руки уже были руками такого уже близкого, но всё ещё далёкого самого главного мужчины в жизни...

Её дрожащие пальчики само собой по шажку ползли туда, к низу живота, к мохнатке, где щёлка уже обильно текла, слипая бёдра... Ира вскрикнула, когда пальчики скользнули внутрь, девушка уткнулась головой в подушку...

И потом был такой мощный сумасшедший оргазм, яркой вспышкой на долгие секунды разорвавший тело пополам, что Ирина, не выдержав, не в силах сдержаться и вообще не контролируя себя, в голос вопила в подушку, трясаясь и дёргаясь в мечтах.

Никогда такого больше с ней не было. Ванька так и не узнал, какой он был мужчина, какой он был ухарь с этой нецелованой девочкой. Да вообще, если по секрету сказать – никто и никогда из всех немногих мужчин Ирины так и не смог ублажить её даже в половину того, что проделал, сам не зная, непутёвый одноклассник в ту беспокойную ночь.

Мать вздохнула, услышав стоны дочери, затушила бычок о пепельницу.

– Проститутка.

Ей было жалко себя в тот момент. Дочь она показательно презирала.

Ещё закурила, раздумывая о чём-то на тёмной кухне.

– Твою мать, дожила... Воспитала проститутку, твою мать, ну и ну...

И легла тихонько спать.

Дочь ей ещё покажет.

– Н-н-ну-у-у... кх-х-х... гх-хы-ы...

Двери открылись. В вагон метро вошла молодая женщина с младенцем на руках. Парень, что сидел рядом с Мишенькой, тут же вскочил, уступая место. Женщина приветливо улыбнулась, сказала одними губами «спасибо» и аккуратно, стараясь не разбудить ребёнка, присела на лавку.

– И-и-икх-кх-кхы-ы-ы!..

Молодая мама с испугом взглянула на беспокойного соседа – его плаксивое мычание на высокой ноте могло бы разбудить и спящего дракона. А плакса, как будто зная поражающее воздействие своего рёва, завёл прямо над головой спящего малыша свою любимую песню:

– Ку-у-упи-и-и-и!.. А-агх. Хы-ы-ы!..

– Да заткнёшься ты наконец, сволочь!!! – крикнул парень, уступивший место пассажирке с ребёнком и с размаху ударил носком ботинка в кадык малолетнего любителя вампиров. С хрустом ломающихся позвонков голова Мишеньки откинулась назад, он захрипел и задёргался. Его глазки закатились, из раскрытого ротика забурлила пузырями тёмная кровь.

– Спасибо, – сказала Ирина, а женщина с ребёнком вежливо улыбнулась ей в ответ.

– От кого вы родили этот генетический мусор? – спросила она Иру.

Да, от кого? Кто отец этого ублюдка, произведённого на свет в диком угаре, воспоминания о котором так тщательно спрятаны долгими часами психологической терапии? Ради чего этот абсолютно здоровый мальчик выносит так умело мозги любому, кто попадает на его жизненном пути? Кому мстит, ловко и агрессивно высасывая кровь, впившись натурально вам в глотку? Не зубами, это было бы слишком банально. А словом, тоном, поведением, непослушанием, криком и абсолютным презрением...

Я так тебя ненавижу, милый мой. Я так тебя люблю.

...Девушка забылась к утру, когда сумерки робко засинели за окном. Сон был глубоким, почти мёртвым, как у вдрызг упившегося человека, но при этом острым, с мгновенными яркими вспышками сновидений. Она жила в нём, он был из какой-то параллельной жизни. Сон был то вязким, как кисель, то чутким, ясным, острым, как заточенная кромка ножа, о которую резалась, то ли чистя картошку, то ли рыбу. Сновидения мелькали, калейдоскопом сменяя друг друга, образы были то ясно читаемыми, но незнакомыми, то расплывчатыми с подозрительно узнаваемыми чертами, но иногда в спящем сознании возникала чёрная дыра, куда Ирина всем своим сонным существом таранилась, силясь чего-то осознанно в ней рассмотреть.

Она очнулась (именно очнулась, а не проснулась) от того, что на кухне звякнула ложка о блюде. Там кто-то чаёвничал. Ира приподняла тяжёлую лохматую голову от подушки – её

удивило то, что дверь из комнаты была прикрыта, когда как в их семье межкомнатные двери никогда не закрывались после ухода отца.

И сердечко её забилося, как подстреленная лань: он уже здесь! Он с мамой на кухне пьёт чай! Он не стал её будить, миленький мой, заботливый мальчик! Ах, я сейчас! Сейчас, буквально минутку! Я быстро! Мигом!

Руки были ватными и до злобного зубного скрипа непослушными, халат запутался, как клубок пряжи, и был явно против того, чтобы его надевали, тапки не хотели запрыгивать на ножки и прыжками скакали от девушки по комнате, норовя забиться в самый недоступный и пыльный угол. То под кровать, то под шкаф, то под занавески...

Увидела мельком себя в отражении книжного шкафа на фоне корешков книг и ужаснулась – волосы были всклокоченными, глаза безумными. Разве можно было появляться в таком виде перед любимым?! Да что он скажет? Разлюбит – непременно и мгновенно разлюбит такую лахудру! Девушка схватила щётку и принялась остервенело драть свои волосы, запутав их ещё сильнее. Вдруг с ужасом вспомнила, что так и не справилась со страхом и ленью и не сходила к стоматологу. Теперь из-за дырки наверняка утреннее амбре изо рта! Как она будет целовать Ванечку?! Она ясно представила, как скривятся его губы, и ужас новой волной ударил её в скулы, сведя их до ломоты между зубов. Ирина была уже в предобморочном состоянии, а на кухне кто-то неторопливо вёл беседу – до девушки доносилось невнятное бормотание. Вроде кто-то засмеялся коротко – наверно Ваня рассказывает матери про службу и какие-то армейские хохмы.

Ира села на край своего дивана и несколько минут тупо сидела, глядя в одну точку и ничего не думая. Это в конечном итоге всё-таки привело её в чувство – дыхание и сердцебиение постепенно нормализовались. Она встала и уже гораздо спокойнее посмотрела на себя в зеркало гардероба. Подумала. Всё рассчитала.

Надела такой непослушный халат, достала тапки из-под дивана. Покопалась в сумочке – нашла дирил в половинке затёртой древней пачке и хорошенько его разжевала. Потом тщательно и неторопливо причесалась – отметила, что сегодня же надо сделать хорошую причёску, не пожалеть денег, так как перед свадьбой будут много гостей, придётся бывать в разных местах, магазинах, в загсе и так далее. Потому надо выглядеть на все сто. Девушка осмотрела свой гардероб, в основном нерадостная и будничная одежда, но зато нашла несколько ранее подаренных Ольгой вещей и запланировала сегодня же, после парикмахерской отправиться с подружкой по магазинам. Хорошо завязала пояском халат, осмотрела себя придирчиво в зеркале с ног до головы и вышла, почти успокоенная, из комнаты.

Она толкнула прикрытую дверь кухни, едва сдерживая внутреннюю трясучку, не поднимая глаз, зашла, и очень внимательно глядя на свои руки, налила полкружки воды. Выпила.

– Привет, Ирка!

Ирина резко обернулась на голос – за столом сидели мать и Ольга. Ваньки не было.

Что-то надорвалось в душе у девушки. Совершенно ясно она поняла в ту же секунду, что обещанного счастья – не будет.

– Да. Вот – я. Да не тарасься ты так, я ж не явление Христа народу, хех. – Ольга затянулась сигареткой, стряхнула пепел и отхлебнула чаю. – А зефирки у вас, тётъ Люб, прям классные!

– Садись вот, – мать встала с табуретки. – Попей с нами чаю. Сейчас я тебе...

– Я сама!..

Ирина порывисто метнулась к плите, схватила горячий чайник, чуть не заревев, наплескала себе кипятку в чашку, бросила с грохотом чайник обратно на плиту.

– Сама так сама.

– Ира, я тут твоей маме рассказала...

И тут Любовь Онуфриевну прорвало, как будто она не желала больше Ольгиных откровений:

– А я тебе говорила, нечего тут в мечтах... Мужики – все одинаковы, они одним только местом думают. Им только одно и надо. Вечно так! И Ольга, твоя лучшая подруга, сколько раз тебя предупреждала, а? Сколько? Сто раз! А ты же у нас самая умная, с тобой спорить бесполезно – ты и так про всех знаешь, как же!

– Заткнись! – Ирина с размаху приложила обжигающую ладони чашку об пол – осколки и брызги полетели острыми молниями, женщины за столом вздрогнули одновременно. Девушка, практически оттолкнув мать в сторону, схватила табуретку и уселась напротив Ольги, подавшись к ней грудью.

А та отшатнулась, поражённая бешенством в глазах, в которых читалось знание правды.

– Говори!

– Да трахнула я его, – через две секунды беспечно ответила Ольга, как будто сообщила об очередном успешном шопинге. Надо напомнить, что она имела удивительное свойство никогда особо ничего, что происходило с ней и вокруг, не принимать близко к сердцу. Так и сейчас молодая красавица легко вынырнула из омута испуга, куда её толкнул взгляд подруги. – Я решила его проверить, правда ли, что он тебе верен. А то слишком много болтали... Я же о тебе беспокоюсь, ты мне не чужой человек, вот – тётъ Люб знает! Вдруг врёт – ведь говорили же... И точно – залезла я к нему, а он давай меня лапать. А я чего? Я – чего? Я ж живая!.. Чувственная! О!..

Ольга вздохнула, взор её затуманился, глаза полузакрылись, она прикусила нижнюю губу.

– Мне вообще, когда соски щиплют нельзя... – продолжила она вдруг севшим голосом, – меня уносит тут же... И делай со мной... что хочешь...

– О-ольга!

– Да-да, тётъ Люб! Ну и трахались мы с ним до полседьмого утра. Палок шесть мне кинул, изголодался поди, солдатик. Я уж сомлела совсем, со счёта сбилась, ага... Ходить теперь больно в туалет по-маленькому, представляешь, Ирка – щиплет же! У него, знаешь, инструмент какой? Ого-го-гошеньки!

Ира смотрела в окно, отвернувшись с первыми словами подруги всем телом. Слова Ольги долетали до неё как из бочки – гулко и волнами, дёргая барабанные перепонки невнятным неприятным свербением. Лучшая подруга ничего не пожалела для неё, пошла и вывела этого вруна на чистую воду, вывела слабака и тряпку, на которую не то, чтобы положиться, да вообще... Твою мать, вообще... Ни-че-го! Спасибо тебе, спасибо тебе огромное-преогромное, Оленька, ты действительно – настоящая подруга, – честная, твою мать и верная! И как бы потом с этим вруном жить бы пришлось? Ведь изменял бы постоянно, бегал налево, с-сука!..

Тренькнул входной звонок. Они вздрогнули, Ольга замолчала. Мать пошла открывать дверь.

– А-а-а, Ванечка. Заходи, заходи...

– Здравсьте, Любовь Онуфриевна, вот я...

– Да-да... вот тапочки.

– Спасибо.

– Ну вот, мы здесь – на кухне.

– Ага.

Ваня вошёл, источая перегар и улыбку. Но на пороге он остановился, как уткнувшись носом в невидимую стенку, улыбка сползла с его лица. Ольга с интересом повернулась к нему, Ирина наоборот – всё изучала пейзаж за стеклом.

И он сразу всё понял, он вообще был парнем неглупым. Слова застряли у дембеля в горле, он промямлил чего-то невразумительное, но потом, набрав толчками в грудь воздуха, не нашёл ничего более умного, как ляпнуть, махнув неуклюже правой рукой:

– Привет, Босота!

Ирина вздрогнула, но интереса к окошку не потеряла, Ольга хекнула высочайше и презрительно: она-то была на высоте! И чувствовала себя абсолютно честной и порядочной, как будто это не она развела пьяного и голодного Ваньку на секс. А Любовь Онуфриевна, положив руку на плечо несостоявшегося зятя, очень по-доброму тихо спросила:

– Ну что, выпался?

И дыхла ему в лицо дымом.

Ваня обернулся к ней коротко, потом с какой-то отчаянной надеждой бросил взгляд Ирине, так и не удостоившая жениха даже единственного обличительного слова, с трудом сглотнул. Никогда больше ему никто не высказывал одновременно такого презрения, и никогда больше ему не было так стыдно.

И Иван ушёл. Он понимал, что виноват, он клял себя, на чём свет стоит, призывал на свою голову всякие небесные кары за предательство, клялся и божился, что такого больше никогда и ни при каких обстоятельствах!.. Да ваше!.. Ну, в-ваше ж-жешь!..

Парень ещё до лифта тысячу раз приговорил себя и расстрелял тысячью патронами, при этом сам себе придумывая оправдания за отступничество. И вот в этот момент, мол, всё осознал и всё-всё понял, что как, оказывается, ценит и любит Иришку. А вот эта шалава Ольга, которая воспользовалась его невменяемым состоянием и что солдаты так традиционно обделены и скучают по женской ласке, такая, оказывается, сука! Подставила ведь, прям – натурально подставила, шалава озабоченная! И как ты с ней ещё продолжаешь общаться?..

Ирина вычеркнула Ваню из своей жизни быстро, окончательно и бесповоротно. Она больше ни с кем и никогда не говорила о нём, не интересовалась его жизнью. Все контакты она удалила, фотки и письма сожгла в ведре в тот же день, надымив в квартире, не обратив внимание на вопли матери, едва не спровоцировав вызов пожарных соседями. И в пылу праведного гнева не пожалела даже самые старые чёрно-белые детские и школьные групповые фотографии, где присутствовал так или иначе обидчик.

– Это не только твоё прошлое! – вопила мать. – Ирка!!!

Но дочь лишь холодно взглянула на мамку, сжав тонкие губы, и опять села на кухне, уставившись в окно. Эта поза стала основной в их последующих ссорах – Ирина, как правило, мало контраргументировала на выпады и обвинения матери, она просто отворачивалась к окну и молчала, чем страшно бесила Любовь Онуфриевну.

А Ольга осталась лучшей подругой.

– Она честная, – сказала сама себе девушка, – а это редкость по нынешним временам и надо ценить.

В тот же день Ирина сделала короткую мальчишескую причёску и больше никогда не знала проблем с расчёской. Ей даже шло так.

Глава 2 Кирюша

Ирина отучилась в институте стали и сплавов. Её оставляли в аспирантуре, как абсолютную отличницу – технические науки давались ей легко, это вызвало законную гордость у отца.

– В меня мадам Остовская! – ему, как ни странно, нравилось теперь её так называть. – Вот только бы замуж выдать, а то наука до сухаря доведёт, и внуков не дождусь. Парочку бы, ёкарный баобаб.

А Ирина была равнодушна к мужчинам, её полностью занимала учёба, работа на кафедре, научная деятельность, которая к концу обучения уже так захватила, что карьера в этой стезе виделась совершенно отчётливо. Народ научный прочил ей великое будущее. Женщины завидовали, мужики изумлялись. Именно тогда, на кафедре, стало ясно, что Ирина прекрасно срабатывается в мужском коллективе, она была своим в доску парнем, могла поддержать ком-

панию, наравне жарила шашлыки, но отказывалась от ста пятидесяти ледяной под мясо и огурчики. Сослуживцы её ценили за научные идеи и безотказность в посиделках, в которых она выгодно участвовала, скидываясь наравне со всеми. Как-то пыталась закурить, но не понравилось. Зато всегда в шкафу для своих у неё была заначка курева, что ещё более вызывало уважение у мужиков. Да и не краснела от похабных анекдотов, ржала как все. Короче говоря: платьев не носила в прямом и переносном смыслах.

Женщины её раздражали и вызывали презрение явным непониманием элементарных вещей. В науке, само собой. Дамы вообще избегали общения с ней, подозревая в Ирине лесбиянку. Таких называют, кстати – буч: девочка в лесбийской паре в образе и роли мальчика.

После диплома, который она защищала в профильном НИИ, Ирина решила не оставаться в аспирантуре, а поработать в институте, набрать материал для первой диссертации и потом продолжить обучение. Научные руководители, скрепя сердце, согласились с её планами – они уже прекрасно знали младшего научного сотрудника Островскую и её несгибаемую волю.

Диплом обмывали в ресторане, куда Ира пригласила Ольгу, как лучшую, и, пожалуй, единственную подругу. Да: в институте на обучении она толком ни с кем и не сошлась. До возвращения Ваньки она жила мечтами о нём, а после его измены мужчины перестали для неё существовать как объекты сексуального притяжения. Её поколение – мальчишки на потоке и редкие девочки не вызывали в ней никакого дружеского интереса. Списывать и помогать она никому не соизволяла, на дни рождения не приглашала и даже не отмечала. И вообще, она как бы закрылась от мира и людей, не источала никаких феромонов, была настолько незаметной, что многие однокашники уже после нескольких лет выпуска не могли её вспомнить.

Вот в ресторане это всё Ольга и увидела. Перед походом на выпуск она имела короткий разговор с Георгием Ивановичем, который её настоятельно просил как-то поспособствовать в личной жизни дочери.

– Я знаю, что вы очень близкие подруги, – сказал он в трубку, – и ты имеешь на мою дочь определённое положительное влияние. Ты же бываешь на курортах, я оплачу, без проблем...

– Так что Ирка-а, завтра мы с тобой летим в Анапу, твою мать! – раззадоренная шампанским и коллективным вниманием одноклассников Ирины, полупьяная Ольга повисла на шее подруги, уткнувшись ей носом в плечо. – И никаких отговорок! Харэ тут киснуть! Ты до сих пор девочка, а смотри, какие у тебя рядом парни есть, а? Не все же ботаны заморенные! Очкарики, буквоеды, твою мать, хе-е... Ну, не видишь никого? Ну? А вот тот, в свитере? Нет? Да-а... А о счастье бы пора своим и позаботиться, мать!

Ирину счастье не интересовало, и она упёрлась.

– Ну, просто тогда поедem на море – ты же серая, как мышь! Хрен с мужиками, но море – оно для здоровья надо! Отдохнём пару недель – солнце там, винишко!..

Ирина была абсолютной трезвенницей, но моря и солнца ей вдруг захотелось.

– ...Это был форменный кошмар! – рассказывала мне Ольга, – ты даже не можешь представить, какой это оказался на самом деле кошмар! Это была сплошная-а-а-я ж-жопа!! Но в конце – кое-что интересное...

Ирина в Анапе пасла Ольгу похлеще, чем мать – девочку-подростка. У которой вдруг где-то зачесалось. А, как известно, юг – это такое место, где у всех девочек, вне зависимости от возраста начинает обязательно где-то в особых местах чесаться и мамы, если промoxаюT этот момент, вполне могут прозевать и упустить вдруг осознавших свою половую принадлежность дочерей. Упустить их внепланово во взрослую жизнь. Где кино, вино и домино. И потом, кстати, по многолетним научным наблюдениям компетентных товарищей у девочек чешется в том же месте каждый приезд, не важно – сколько уже стукнуло лет девочке, познавшей первую любовь в этих местах – четырнадцать или сорок четыре. Юг – он такой...

Ну, так вот. Ольга бывала в этих краях не раз, потому взяв бразды в свои ловкие ручки, поначалу руководила всем процессом. Она не стала заморачиваться с египтями и другими заграничными, Анапа была проще и понятнее: не надо менять деньги, рестораны, кухня, вино и море с развлечениями для отдыхающих были вполне предсказуемыми, что с характером Ирины было немаловажно.

Аэропорт встретил их одурающей жарой и стаяй колоритных хищных таксистов на выходе. Ирина после перелёта, в котором она едва не сошла с ума от страха (на маршруте немного трясло, Ольга же бухала коньяк, и ей было по фиг), была готова немедленно отдать тяжеленный чемоданище первому же встречному из них, сверкающих белозубыми улыбками и как мантру, повторяющих: «Та-аксы-и-и! Та-аксы-и-и!». Лишь бы не волочь этот груз и куда-то уехать и доехать, наконец, до моря и пляжа. Но Ольга ловко перехватила подругу из почти сомкнувшихся крючковатых паучьих лап таксистов и расставленных ими сетей, и потащила её к остановке общественного транспорта, что вызвало естественное недовольное ворчание в стае диких частных извозчиков. Ольге было плевать, Ирина безропотно (пока) поплелась за ней, катя за собой чемодан с наспех побросанным московским скарбом.

При этом Ольга, на правах сведущей отдыхающей, прежде всего, свернула в сторону (буквально – налево от стоянки перед аэропортом), к маленькому базарчику с виноградом и разливным винцом, где немедленно разговелась стаканчиком «Белого лебедя». Ирина традиционно отказалась и терпеливо (пока) стояла рядом столбом, потев в тёмной московской офисной одежде на солнцепёке и вцепившись руками в ручку чемодана, как будто кто-то мог в этом пустынном месте напасть на неё и лишит московских же шмоток. Потом Ольга заказала себе полторашку того же напитка – в дорогу. Побрели к остановке. Ольга трещала, Ирина медленно мрачнела.

Позвонила мать – справилась, как долетели. Ирина громко разговаривала с ней по мобиле, которую ей подарила мама на выпуск из института – тогда сотовая связь в России резко подешевела и стала для многих доступной. Несколько раз Ира пожаловалась на жару и чемодан, мать её ободряла, советовала во всём слушаться Ольгу. Ольга выпила под эти слова ещё пару стаканчиков.

Ей было нормально.

Они дождались маленькую набитую маршрутку и с трудом влезли в неё с багажом. Здесь их облаяла какая-то тиотка из местных – мол, на самолёт денег хватает, а на такси до пляжа жаба душит?

– А ты мои деньги не считай! – отбрила тиотку Ольга, – я же не считаю твоих мужиков.

Анапская жиличка задохнулась от возмущения и потом ворчала всю дорогу, высказывая пассажирам своё до нутра пронзающее презрение к москвичам, которые ну так зажрались!

Ирина всё так же молчала. Рыжая выцветшая под жарким анапским солнцем «Газелька» трясла девушку и кружила в поворотах почище самолёта. Из динамиков оглушающе неслись южно-шансонно-танцевальные мотивы с восточным любовным колоритом, водила показывал чудеса лихости, пахло сгоревшим машинным маслом, машина скрипела и дёргалась при любых действиях шоферюги, который одновременно с вождением умудрялся флиртовать со всеми особями женского пола, принимать деньги за проезд и выдавать сдачу, давать советы по отдыху и размещению и всучивать каждому визитки с номером местного телефона и именем – Хачик, а также ругаться, петь, подрезать зазевавшихся водителей из других регионов, орать на тупых соседей по движению – то есть жить на полную катушку, как будто завтра падёт великий мор на Анапу и все отдыхающие разом сдохнут; а куда им, собственно – и дорога.

Молодец, ничего не скажешь.

Настоящий мужчина. Джигит.

И кстати, без всякой иронии – многие отдыхающие дамы западают именно на таких хачиков, справедливо подозревая в них пышущих жизнью самцов, которые за очень незначительные знаки внимания и благодарности скрасят их одинокий отдых на побережье...

Ирина презирала таких самок, которые ведутся на внешний лоск и брутальность или на такое вот вычурное наглое поведение. Для неё было важно единение душ.

А какое единение может быть с мужиком, который любит такую ужасную крикливую музыку с примитивными текстами?! Какое единение с человеком, который моется, как и бреется – раз в месяц?! Небритость и лохматость у них в крови – это по-мужски привлекательно, а мыться на такой жаре вообще смысла нет.

– Слезаем! – вдруг толкнула в бок Ольга задумавшуюся подругу.

Ирина вздохнула было с облегчением – но пляжа в ближайшем осмотре не наблюдалось. Остановились они посреди шумного города, где прел нагретый солнцем асфальт, магазины, лавки, толпы снующих туда-сюда отдыхающих...

– Сейчас подойдёт «восьмёрка», – объяснила Ольга на молчаливый вопрос Ирины. – И тут уже всего ничего.

– То есть мы ещё не приехали???

– Скоро, – беспечно ответила Ольга, оглядываясь и не замечая нехорошего тона и сурово сдвинутых бровей Иры. Она вытащила из сумки полторашку и приложила к «Белому лебедю», с жадностью разглядывая загар проходящих мимо девиц. – На пляж... На пля-я-яж...

– Так и где – пляж?!

– Спакуха, Ирка! Сейчас доедем до классного места, я там была в прошлом и позапрошлом годах. Я забронировала номера нам, кэмпинг, пляж – рукой подать. Народ весь клёвый, тусует по сердцу, ночью костёр и на гитарах ребята лабают, вино у хозяев своё – ващ-ще!

Ирина закипела – но! Подошла «восьмёрка». Был день, остановка проходная, потому салон оказался забитый под завязку.

– Куда вам, дэушки? – спросил очередной южный водила, перекрикивая орущие динамики.

– На базу «Взлёт», – громко ответила Ольга.

Водила кивнул и вышел из кабины. Затем он открыл задние двери, и даже не спрашивая разрешения, затолкал чемоданы москвичек в маленькие пространства под сиденья, пихнув чьи-то ноги вперёд. Причём чемодан Ирины полностью не поместился, но неунывающий маршрутич просто придавил его створками дверей, затянул их ремнём и сцепил на замок.

Так и поехали. Ольга всю дорогу непрерывно трещала, узнавая знакомые места.

Девушкам пришлось постоять, скособочившись под низким потолком в салоне с десятков минут, пока освободились места. Причём сложнее было Ольге, которая на голову была выше Ирины, но Ольга постоянно улыбалась, не забывая прихлёбывать из полторашки, и непрерывно комментировала проезжающие виды города. Приветственными возгласами встречала знакомые рестораны, где ей посчастливилось зажигать в танцах, сообщала – где и что покупалось и по какой цене, где можно и нужно торговаться, вот здесь отличный выбор сувениров, а здесь самые вкусные хинкали и манты, а вот там – дыни и виноград. Особо отмечала, где какое можно взять вино и из каких оно винзаводов.

Анапский шумахер, активно жестикулируя, поддерживал её слова одобрительными междометиями.

Ирина была уже в ступоре от жары, тряски, усталости и обиды. Всё тело чесалось и свербило от пота, кое-где швы даже стёрли кожу до крови, и ей жутко хотелось пить и в туалет по-маленькому. И потому от неё волнами распространялась такая злоба, что остальные пассажиры молчали в тряпочку.

Доехали – это была конечная на самой окраине Анапы, причём вокруг были сплошные заросли. Ирина кипела как Везувий и была готова сжечь всё на хрен вокруг! Ноздри её раз-

дувались, как меха в кузне, глаза метали чёрные молнии, вертикальные складки рассеки лоб. Плотные сжатые губы выгнулись обратной дугой...

Маршрутка с парой пассажиров уехала, они остались одни – между кустами и низкими деревцами петляла тропа, к которой решительным шагом направилась Ольга.

И ещё битых два километра девушки волокли свой багаж по ухабам и камням. Ольга вырвалась вперёд – она неслась на крыльях восторга от встречи с морем, любвеобильными мальчишками, весёлыми тусовками, песнями, плясками, постоянным лёгким опьянением от всего этого. Она не оборачивалась и не видела, какая туча с трудом поспевала за ней...

Из-за невысокого холмика, которого они обогнули по периметру, открылся вид на кемпинг, размещённый буквально в ста пятидесяти метрах от песчаного берега. Кемпинг состоял из разномастных вагончиков и снятых с грузовиков кунгов, а так же разномерных и разноцветных палаток. Всё это пребывало в тени деревьев и кустов, между ними земля была вытоптана до состояния камня. Там и сям виднелись дымки костерков, мангалов и примусов, болтались на ветру сохнувшие предметы одежды, дети разных возрастов оглашали кемпинг криками и воплями, звучала музыка из транзисторов и магнитофонов, причём вкусы меломанов были противоположными радикально. Вход в кемпинг символизировала сплетённая арка из лозы и плюща. Сверху на двух палках едва держалась выцветшая вывеска – «Взлёт!», в воздухе стоял аромат вина, моря и готовящейся снеди.

Ольга чуть ли не вприпрыжку преодолела последние сто метров.

– Я убью тебя! – зашипела Ира, из последних сил догнав Ольгу, которую под аркой обжимал в радостных объятиях молодой мужчина кавказской наружности.

– Познакомьтесь! Это Джарик. Джарик – это Ира, моя лучшая подруга.

– Здравствуйте! – Джарик было кинулся обниматься, но Ира выставила впереди себя руку. Кавказец сообразил мгновенно и просто поцеловал её ладонь.

– Джарик, где наш вагончик?

– Вагончи-ик?! – Ирина остановилась и стала набирать воздух в лёгкие, чтобы наконец высказать этой...

– Вам лучший, красавицы! Пойдём! Двадцать метров – и самое мягкое и ласковое в Анапе море! Мама сделала хачапури вам, я вино открыл, как ты любишь, Оленька! Как я рад, что ты приехала, если бы ты знала, моя красавица! Я так ждал! Я весь год ждал! Места себе не находил, веришь, нет?! С утра прыгаю, всё жду свою Оленьку – едет ли ко мне?

– Ах ты мой кузне-ечик!..

Кудахча и обнявшись, они пошли вперёд, даже не взглянув на Иру, и той пришлось с трудом вытолкать из себя набранный воздух и доволакивать чемодан до вагончика самой – Джарик был полностью поглощён Ольгой, которую, судя по всему, давно знал. И, по мнению Иры анапский мачо был – страшным! Южанин был на полголовы ниже Ольги, бешено волосат – чёрные волосы курчавились даже на его пальцах. А так же горбонос, губаст, с Х-образными ножками и с брюшком – да с таким «красавцем» Ирина не пошла бы даже под страхом расстрела! Но Ольгу, судя по всему, внешние данные Джарика вообще не волновали. Ира поджала презрительно губы на эту мысль.

Она шла медленно – босоножки стёрли ноги, а руки за эти два километра донельзя были оттянуты чемоданом. Подойдя к вагончику, который был действительно самый близкий от берега, она в бессилии присела на лавочку у крылечка и несколько минут сидела, тупо отдыхая и слушая громкие звуки бурной и радостной встречи за тонкой стенкой их южного временного жилища. Ольга визжала, Джарик ухал. Что-то мерно стучало и скрипело. Казалось, что вагончик отправился в путь и покачивается на стыках рельс...

На лавочке были брошены вещи Ольги, рядом стоял её чемодан. Ирине очень хотелось пить, и она просто залезла в сумку к подруге – там как раз оставалась половина полторашки вина. Ирина открыла пробку и выпила несколько глотков. Неожиданно тёплое мускатное

вино пришлось ей по вкусу, и она медленно допила всё, что оставила Ольга. Уже не стесняясь, сходила до-ветру в ближайшие кусты (хотя видела будку сортира у входа в кемпинг – но возвращаться было уже лень), поцарапав попу о колючие ветки и сухие травинки. Сняла опостылевшие босоножки, достала шлёпанцы.

Немного опьянела. Звуки из вагончика её совершенно не заводили, даже наоборот – усмешка её стала ну совсем уже саркастической.

– Ну и фиг с тобой! – девушка махнула рукой на вагончик. – Я тебе покажу!..

А вагончик ехал всё быстрее и быстрее – стук перешёл в пулемётную дробь, внутри в два голоса заорали, потом произошёл один мощный удар, затем треск ломающегося дерева, глухие стуки – это страстные любовники свалились на пол со сломанной койки, мат-перемат Джарика и гогот Ольги.

– Наконец-то, – сказала сама себе Ира и бросила пустую бутылку в мусорный контейнер. Бутылка не долетела, но девушка не стала её перебрасывать. Вино её расслабило, стало весело с примесью гнуса. И захотелось резать правду-матку.

– Вы скоро там?! – крикнула она слегка заплетающимся языком.

– Сейчас, сейчас!

На пороге вагончика появилась Ольга в чудовищно сексуальном белом миникупальнике. В руках у неё была сумка с пляжными принадлежностями. Позади неё улыбался сыто и по-кошачьи Джарик.

– Пошли купаться, Босота! Ты ещё не переоделась?

– Где?! – Ира даже пропустила прозвище мимо ушей, разведя вокруг себя руки.

– Ну, так давай, пять минут и бегом к морю!

– Какие пять минут!?

– Ого, Ирка! Да ты выпимши? И когда успела... А-а-а, мускат мой уничтожила.

– Оленька, свет души моей! Сегодня всё наше вино будет для тебя, мама хинкали...

– Да-да, Джарик, я помню. Ты бы лучше, пока мы на море, кровать починил, ухарь анапский!

– Починю, душечка. Вернётся – всё будет в ажуре.

– Смотри у меня! Ирка, тебя долго ждать?! Здесь самое клёвое место на побережье.

– Мне ещё вещи разбирать...

– Да, знаю я, какие там у тебя вещи! Небось – тупо из гардероба перекинула в чемодан всю фигню, которую здесь ни разу и не наденешь, а что понадобится, даже и не подумала взять. Купальник есть?

Ольга была права на все сто процентов: Ирнин скарб был бездумным перекладыванием из шкафов и гардероба в чемодан. Если бы влезла норковая шуба – и она бы проделала это путешествие. Купальник у Ирины был – в прошлом году она намеревалась начать посещать бассейн, так как из-за постоянного расслабления за обучением у неё стала портиться осанка, да и вообще фигура за годы студенчества несколько оплыла. Купальник купила, купила абонемент на полгода, раз сходила в бассейн, чутка поплавала, держась за канаты. И всё – как-то потом было недосуг...

– Так переодевайся!

Но через несколько минут выяснилось, что купальник был благополучно оставлен в Москве.

– Ладно, завтра купим, – вывести Ольгу из хорошего расположения духа было невозможно. – Тогда оставайся, тут чего поделай – вон, с людьми познакомься, Джарик покажет тебе всё. А я на море – через часик вернусь.

– Что-о-о?! – заорала Ирина, хмель со своим расслабленным пофигизмом уже выветрился у неё из головы, уступив место решительной жёсткости. – Ты притащила меня в эту дыру, я стёрла ноги, устала как собака, никаких удобств и условий! Ты посмотри – кто вокруг?!!

Одно быдло и люмпены! Которые на нормальный отдых заработать не могут! А я могу! И я просила экономить? Я что, не могу оплатить такси и нормальный пансионат?! А здесь клоповник и разврат, каких свет не видывал! Собираемся и уматываем немедленно отсюда!

Ольга лишь пожалала плечами, чмокнула Джарика в его большой нос и вприпрыжку побежала к морю.

– Чего ругаешься, девушка? – Джарик был само благодущие – он-то многих отдыхающих повидал на своём веку. Начинал сам в гостиницах и отелях, перепробовал всё, что можно. Пока не скопил денег и не завёл собственный бизнес на туристах. Вдвоём с матерью они довольно быстро встали на ноги, прежде всего и благодаря тому, что не ловили с небес звёзды, а опирались всегда на самых непритязательных и экономных отдыхающих, которым не нужен комфорт и обслуживание, главное – море и солнце. Кемпинг обеспечивал практически всем, что было необходимо на отдыхе среднестатистическому россиянину – предприниматели держали тут же магазин с мультинаполнением – от фруктов и лёгкой закуски к вину до пляжных и косметических принадлежностей, а так же открытое кафе, где они готовили сытно и вкусно. Через четыре сезона у Джарика был устоявшийся надёжный контингент, который обеспечивал ему постоянный стабильный доход и плавное расширение бизнеса, прежде всего благодаря «сарафанному радио». Молодой предприниматель старался обеспечивать максимальную свободу своим постояльцам, особенно девушкам. Он делал им хорошие скидки на проживание, взамен – получал утешения или хозяйственную службу. А бывало и то и другое. Конечно, у него были свои любимыцы, но, если положить руку на сердце, то женщины сами избаловали Джарика – как правило он никогда не испытывал страданий от отказов, в каждый приезд всегда находились две-три дамы – скучающие и ищущие любви. Потому в постели он был страстным и активным, что не могло не нравиться не привыкшим к такой любвеобильности девушкам средней полосы России. А их с каждым годом становилось всё больше, мачо даже стал вести график приездов пассий, чтобы избежать возможных разборок на почве ревности. В межсезонье ему было туговато, но он был неунывающим парнем с чувством юмора и святой верой в свою неотразимость. Шлюшки так же скрашивали его одиночество и ожидание тёплых деньков.

Джарик, как и многие кавказцы, предпочитал девушек в теле. Но, в общем-то, любил всех и никому не отказывал. Предпочитал хохлушек, а вот москвички – по своему снобизму и презрению к местным пребывали далеко на последних местах в его рейтинге. Конечно, Ольга была исключением, лишь подтверждающая правило, что нет баб сучарнее и с претензиями, чем москвички на отдыхе у Чёрного моря.

Правда, была у него одна страстишка... перепробовав кучу женщин он не переставал в тайне мечтать о девственнице. Он хотел быть первым и единственным. А на юг если таковые и приезжали, то только в сопровождении родителей, которые их всячески оберегали, особенно от горячих южных парней.

И иногда в тихие лунные ночи он выходил гулять по прибрежным кустам и тропинкам...

Ирина забежала в вагончик и с размаху бросилась лицом на одну из целых кроватей, которую не долбили страстные любовники. Она хотела разрыдаться, дать волю обиде, но едва упав лицом на подушку, с отвращением немедленно вскочила на ноги – от кровати недвусмысленно пахло. С выражением на лице крайнего возмущения и брезгливости, сжатыми кулачками и губами в ниточку, она выскочила из самого убогого в её жизни места отдыха и со всех ног, не обращая внимания на саднящие ссадины от босоножек, рванула за удаляющимся хозяином кемпинга.

И в следующие пятнадцать минут Джарику устроили такую головомойку, которой он не получал со времён средней школы, когда его за баловство в туалете девочек при всём составе учащихся и педагогов на срочно собранной линейке в актовом зале песочила завуч. Потому что Джарик очень хотел девочек в свои тринадцать лет, терпел-терпел, делал намёки, приглашал в кино и на мороженое в гости...

В общем, дошёл до такого состояния души и тела, что, в конце концов, попросту забежал на переменке к девчачий туалет и стал показывать там всем эрегированный орган, хвастаясь величиной и упругостью, приглашая к совместному приятному времяпровождению. Девочки, естественно, подняли такой визг, что к ним сбежалась вся школа. Молодого эстибициониста заловили, заставили одеться (с трудом) и потом вломили при всех такого леща...

Вызвали родителей.

Мама с папой удивлялись и не верили. Они клятвенно убеждали всех, что их сыночек не такой, очень воспитан и скорее всего кто-то из девочек так «пошутил».

Папан едва не падал в обморок от перевозбуждения и прилюдного унижения...

И никогда он никому не признавался, что каждый раз, овладевая очередной покорённой дамой, он на самом деле мстил завучу, драл её со всей своей обиженной южной страстью. Потому что в тогдашнем поступке он никак не мог понять, что в нём было такого неправильного, предосудительного и необычного...

Я хочу женщину – значит я мужчина и я прав!

Это событие навсегда осталось в его памяти, как чрезвычайно возбуждающее и приятное, мгновенно заводящее его южную натуру при малейшем намёке.

И тут эта москвичка орёт так приятно на него! Музыка войны! Танец с выходом самца! А как жёстко хватает за руку, когда Джарик хочет отвернуться, поворачивает так памятно и властно к себе! И как горят возбуждающе при этом её глаза, как тонок и пронзителен её голос, навевающий воспоминания о том замечательном унижении при всех. Опять приходит та самая дрожь! И какие же у неё обидные и правильные слова, поднимающие волну в груди и толкающие из штанов то самое, чем так гордится и хвалится шестиклассник!..

В общем, отец пытался замять происшествие, предлагал отремонтировать крыльцо и туалет – крымская школа была старой, требовала ремонта, денег украинское правительство выделяло с гулькин нос. И вполне прокатило бы при иных обстоятельствах. Но дело зашло уже слишком далеко – свидетелей было так много, пострадавшие вопили так громко, что семейству натурально пришлось бежать из города – вот-вот ожидали прокурорских.

Они уехали на время к родственникам в Анапу. Да так и застряли. Какая разница, где торговать фруктами и принимать отдыхающих. Но перед этим папаша свозил сына к знакомой проститутке – чтоб знал, что к чему.

...А вокруг собрались туристы, которые приехали к Джарику и его матери вовсе не за каким-то комфортом. Они непритязательны к бытовым мелочам, здесь дёшево и сердито. Они не поддерживают Ирину, даже некоторые пытаются её вразумить – мол, у нас, девушка, совместная тусовка, общение без проблем и условий, нет социальной разницы (хотя на самом деле нередко весьма богатые гости, но они разумно не показывают свои доходы). Здесь приветствуются бурные отпускные романчики под недорогое вино и хачапури с сыром, шелест прибоя, фрукты и прогулки под луной. Им плевать на заблёванный кем-то матрац и несвежие подушки, это всё тлен...

Короче, Ирине подобрали всем миром матрац и бельё посвежее; мама Джарика угостила великолепным хинкали, дала мазь от потёртостей. Даже бесплатно предлагала купальник по размеру (у заботливой и рачительной хозяйки были собраны оставленные отдыхающими вещи и пляжный инвентарь – не таскать же туда-сюда), но москвичка с едва сдерживаемым брезгливым гневом отказалась. Ну, ублажили, как могли. Джарик отдал ей свою персональную надувную гэ-дэ-эровскую подушку, которую Ира с омерзением вымыла шампунем трижды, прежде чем одеть наволочку.

– Ну и мегера у тебя, Оленька, подружка, – сказал вечером же Джарик.

– Да, бывает, – отвечала московская красавица.

Ирина страстно хотела уехать на утро. Но вскоре у неё родился план мести.

И Ольга через два дня взвыла!

– Она ходила за мной по пятам, как собачонка, твою мать, блин! И скулила, скулила, скулила!.. Достала своими придирками и претензиями. Всё ей не так! Всю душу вынула жалобами – то на погоду, то на солнце, то на соседей, на Джарика, на детей, которые орут и не дают спать, на музыку, что все включают громко, на ссоры и песни под гитару... Всё ей было не по нутру! И раскомандовалась, как будто я ей чего-то должна! Туда не ходи! Здесь не сиди! Пошли на пляж! Пошли с пляжа! Вон из воды! Не ходи к Джарику! Сама никуда не уйду и не дам вам тут трахаться на моей кровати! Клопы! Тараканы! Наблевали! Вино кислое! Твою мать! Чуть что я в сторону – трезвонит на сотовый, как будто денег у меня вагон и маленькая тележка. Еле-еле вырвалась раз в город съездить за прокладками, которые мне на хрен были не нужны! Прямо так в дороге персональный и абсолютный контроль – ни пивка не попить, ни потусовать с мальчиками! Секса ни-ка-ко-го! Да!!! Джарик весь извёлся – когда придёшь? Когда будет секс? А эта?!! У неё же только одно на уме! К мужикам не ходи, мне скучно одной! Не пей вино – заблюёшь, как я тебя – такую кобылу, на себе поташу! Это вообще – капец всему! Это я-то – кобыла?!! Это, представляешь – мне?!! Дура, твою мать! Сучка мелкая! Ни грамма благодарности!

В общем, при всей коммуникабельности Ольги, через десять дней она так возненавидела подругу, что решила, в конце концов, сбежать от неё к любовнику. Вечером предложила вина за ужином – Ирина лишь пригубила. Пошли в полночь спать, выждала полчаса.

Потом незаметно выскользнула из вагончика, предусмотрительно оставив сотовый – типа, забыла. И поскакала к мачо.

– Короче, утром тихонечко прихожу – как мышка крадусь, тихонько-тихонько... Удовольствие в теле, Джарик отжарил – наскучался, малыш, а-а-а... Так на столе Самсунг мой, за двенадцать косарей, бл-лин, по кусочку... Я его честно заработала, это был не подарок бесплатный, как ей! Она его ножиком столовым, представляешь, искромсала! Как силёнок только хватило – он же крепкий, как кирпич! Откуда столько злобы и силищи в этой мелкой шмако-дьявке нашлось, а? Тварь! И спит – типа... Ну, тут уж я тоже на характер пошла!.. А что? Имею право, твою мать! Я ведь по натуре – добрая, ты же знаешь, я всех люблю, даже та-ку-ю ду-ру. Но – довела... в натуре – реально довела!

Увидев раскошенный телефон, Ольга несколько секунд стояла, хватая ртом воздух, а потом коршуном подскочила к Ирине и от всей души выкрутила ей ухо!

Они подрались.

Причём Ольга больше придерживала подружку, помогая себе подушкой и одеялом. Ирина же, обезумев от неожиданной резкой боли, которой ей в жизни не приходилось испытывать (в детстве её физически не наказывали, потасовок она избегала), с каким-то птичьим клёкотом махала-сучила руками-ногами, пытаясь ударить и скинуть с себя тяжёлую и сильную Ольгу. И растопыренные пальцы были похожими в этот момент на когти хищной птицы, а из перекошенного злобой рта вылетал рык подстреленного льва!..

Ольга совладала с ней довольно быстро – сказалась разница в весе и нелюбовь Ирины к спорту. Через две минуты госпожа Островская была спелёната в одеяло и придавлена к кровати роскошным телом, которого совсем недавно ублажили во всяких позах. И любительница южных мужчин, максимально приблизившись, сверля взглядом в упор в безумные от ярости глаза Ирины, с каждым своим словом делая волнообразные придавливающие движения, (от чего пленница вынуждена была выдыхать с тоненьким «игханием»: «Игх! Игх! Игх!»), медленно и жёстко проговорила:

– Ещё! Раз! Возьмёшь! Мои! Вещи!.. Убью! Убью! Убью!!!

И анапская кровать в такт опасно скрипела, норовя опять развалиться от такого бурного проявления человеческих страстей. Уже в который раз.

Ольга ловко соскочила с Ирины, образовав сразу свободное для манёвра пространство (на случай продолжения боевых действий).

Ирина шипя, как рассерженный Каа, у которого прямо из пасти выхватила зачарованного бандерлога ловкая пума, заметалась по вагончику, хаотично хватая всякие вещи, свои и подруги, пытаясь немедленно собраться и умотать к чертям собачьим из этого пристанища моральных уродов и извращенцев! Поскорее убраться из этой клоаки человеческих пороков! От этой негодяйки, сучки! Которую она (я добрая, а ты – сука и злая!!) великодушно простила за самый страшный грех – убийство любви, надежды и веры! Простила за самый сильный и незаслуженный удар в жизни и непреходящую боль в воспоминаниях!..

Впрочем, желание немедленно вцепиться обидчице в наглую морду и выцарапать ей глаза, нивелировалось вполне прагматичной причиной: у Ольги, сидящей на своей кровати и внимательно наблюдавшей за броуновским движением маленькой львицы, которой впервые в жизни реально прищемили (и за дело) хвост, как бы невзначай поигрывал в руках баллончик с перцовкой...

Забрезжил рассвет, осветив разгром в вагончике.

Ирина сидела на койке, ловя ртом воздух – она натурально запыхалась и выбилась из сил. Ведь по жизни она себя даже утренней гимнастикой не утруждала, в школе за остальными попевала едва-едва на троечку.

И здесь, на море, она плескалась у самого берега, больше одёргивая и выгоняя на берег подругу. Сама не рисковала зайти «по шейку», тем более нырнуть.

Отдышавшись, она по стеночке вокруг Ольги прошла к выходу. Там просто присела на лавочку за обеденный деревянный стол и тут же заснула, привалившись на собственные руки. Ольга прикрыла её одеялом, заботливо подоткнув под бёдра.

– Эх, подруга...

А следующий день был как раз последний в отпуске, послезавтра в тринадцать тридцать был самолёт на Москву.

– Давай, просыпайся, соня, одиннадцать утра уже.

Ирина подняла голову, лохматую и тяжёлую, тело затекло и застыло от неестественной позы. Прямо перед ней благоухала кружка с кофе. Рядом со столом стояла Ольга в цветастом сарафане, уперев руки в боки.

– Яичницу будешь?

Ирина кивнула, кофе приятно грел руки.

– Вот поешь – пойдём на пляж. Сегодня последний день отдыха и я не намерена ждать от тебя милости, когда ты соизволишь отправить нас купаться.

Ира молча пила кофе, не возражая. Она понимала, что виновата и ночная взбучка была ею заслужена. Как бы Ольга ещё счёт не выставила за раскромсанный телефон...

– А вечером, – продолжала Ольга командирским голосом, нависая над подругой, – к нам с соседнего кемпинга придут двое мальчиков. Тот, что повыше – Денчик, это мой. Тот, что пониже, Кирюша – так это будет твой кавалер. И не баись, он нормальный!.. Не промохай, Ирка, я же тебя знаю – опять будешь сопلي жевать!..

– Не промохаю!

Ольга кивнула с недоверчивым прищуром – ну-ну, мол, знаю я тебя и буду смотреть за тобой! И пошла в вагончик переодеваться.

Так весь день прошёл под диктовку красавицы Ольги. Они три раза ходили на пляж, Ольга затолкала в Ирину два бокала разливного пива, ту на жаре разморило было, но окунания в море, тихое и гладкое, быстро выветрило хмель. Потом после обеда, сытного, час повалялись

в тени и опять купаться. Ольга учила Ирину плавать, та безропотно бултыхалась и фыркала, как кабаниха, плюясь солёной водой. Ольга громко отдавала команды, комментировала неуклюжие действия «неумёхи и бестолковщины», привлекая внимание других пляжников. Потом они пробежались по кромке пляжа метров триста – типа занялись спортом; Ирина запыхалась, потому назад шли неторопливо, активно разговаривая о том и сём.

При пробежке, кстати, Ирина вдруг отчётливо поняла, как она отличается от подруги. Та бежала грациозно, как пантера – длинными абсолютно невесомыми прыжками. Грудь её при каждом движении плеч плавно и совершенно естественно колыхалась в стороны и появлялись заманчиво со спины, где трусила мелкими неумелыми шажками Ирина. И она поняла, почему мужики липли к Ольге, как мухи на мёд – поняла каким-то нутром, на грани сознания то, чего ей никогда не хватало в жизни и чего невозможно воспитать или обучить. А только получить как дар – при благословенном свыше рождении настоящей женщины, которой на роду написано быть музой, желанной и понимающей, дарящей жизнь и любовь понимающему мужчине.

А если не получаешь такого дара, то и нет возможности этим управлять и пользоваться: лишь наблюдать и завидовать. Или любоваться – кому что...

...Этот великолепный ракурс явно добавлял какого-то неосознанного притяжения к молодой прекрасной женщине – казалось, сама Мать Природа бежит по благословенному берегу и на каждом шагу вокруг расцветает сухая бесплодная пустыня...

Да, Ольга с удовольствием ловила косые взгляды женатых мужчин, и откровенные неженатых – на фоне простенькой Ирины она явно выделялась. И ругала себя – чего она так не делала с самого начала, а подчинилась с ходу этой замухрышке? Едва та встала в позу?! Не надо было бы искать редкие моменты для флирта, прятаться и тайно бегать к ближайшему ублажителю. Да и задача была поставлена Георгием Ивановичем более чем ясно – устроить личную жизнь дочери. А как тут устроишь – если инициатива в вялых ручонках упёртой девственницы? Повезло, что Ольга как-то вырвалась поехать за продуктами и предметами женской гигиены – и быстро познакомилась с двумя ленинградцами в первом же магазине, с которыми она легко договорилась на вечер...

Фиесту провели в кафешке у Джарика, тот вился вокруг них, как заботливая пчёлка, прислушиваясь к разговору и отвечивая комплименты. Причём, как настоящий кавказский мужчина, не разделял девушек, а сыпал обоим ласковые и восхищённые слова, чем пару раз ввёл Ирину в ступор своими недвусмысленностями.

– А она девочка, да? – жарко шепнул кемпингист на ушко Ольге, и тут же получил кулаком в рёбра. – Ладно-ладно, моя королева! Хи-хи-хи... – это Ольга его уже пощипывала за бедро.

Часик поспали. Тренькнул будильник на телефоне Ирины – пора.

Солнце почти касалось уровня зеркального моря, небо и деревья золотило. Отдыхающие уже кучковались у вагончиков, кое-кто разжигал мангал у кафе, настраивали две гитары и альт под саратовскую гармошку – предстоял вечерний концерт с мясом и вином, песнями и скоротечными страстными утехами.

Два молодых парня появились у вагончика девушек ровно полдесятого вечера. Оба сухие, поджарые и стройные, атлетически сложенные красавцы в шортах и футболках, никак не скрывающие, а наоборот – весьма подчёркивающие их спортивные тела.

– Денчик, здравствуй! – Ольга повисла на высоком радостном парне. Полминуты они страстно целовались, второй стоял в стороне, лёгкая полуулыбка блуждала на его лице. Он поднял раскрытую ладонь в приветствии Ирине, девушка, немного погодя, ответила сдержанным кивком, хмуря брови и прикусив нижнюю губу.

Ольга, натешившись с Денисом, смачно поцеловала в губы и второго молодого человека, приобняла его рукой.

– Ирка – это Киря. Кирюша – это моя лучшая подруга Ирина – с детства! Так что не обижай её! Прошу любить и жаловать.

– Очень приятно, – Кирилл смотрел приветливо на Иру.

А та его возненавидела. В ту же секунду. Вдруг спящее её сердце, пребывающее уже столько времени в абсолютном равнодушном покое, вспыхнуло страстью! Да такой, что у неё закрипели зубы – так она их сжала! Желваки заиграли на её щеках, ноздри раздулись, как у быка, атакующего тореадора... но Кирилл толи сделал вид, что не заметил, толи действительно не увидел в вечернем сумраке...

Они пошли в сторону города вдоль побережья. Причём в середине шла обнимающаяся и любующаяся друг другом парочка – Ольга откровенно висла на Денисе, а по бокам – неприступная Ирина и совершенно расслабленный и довольный жизнью Киря. Ирина молчала, остальные вели живейшую беседу про Москву, Ленинград (так упорно называли свой город парни: «мы – патриоты Страны Советов!»), про новые фильмы и футбол, положение в стране и мире, сравнивали цены на то и сё – в общем, коммуникация была на том самом высоком уровне, на котором и подразумевается общение между довольными отдыхом и радостью от общения молодыми людьми.

Дошли до линии кафешек. С трудом нашли свободный столик. Подскочила разбитная официантка, которая безошибочно определила, кто с кем и кто ни с кем, и после этого общалась исключительно через Кирилла, озаряя его улыбкой с золотым клыком и недвусмысленно прижимаясь бочком – показать, что есть в меню, посоветовать блюда и вина. Ну и так далее. Ирина делала презрительное лицо – мол, ей пофиг, пацанов это явно забавляло, Ольга показала кулак исподтишка подруге, но потом плюнула – её отдых и развлечения были важнее, чем тупая упёртость в девках Ирины.

Заказали вина кувшин и закуску полегче. Официантка упорхнула, оставив перед Кирей вырванную бумажку из блокнотика для заказов. На ней торопливо простым карандашом было выведено: «Сашенька». И номер мобильного краснодарского края.

Но Кирилл к удивлению девушек даже не притронулся к бумажке.

– Западло своим ребятам разбивать компанию, – пожимая плечами, ответил он на их немой вопрос.

Ирина не поверила ему. Мужчины не могут быть верными – уж она-то знает!

Кирилл заметил и понял её реакцию.

Сашенька принесла вино и ловко разлила тёмный напиток по бокалам. Она увидела, что молодой человек не взял со столика её телефон, но не подала виду – в расстройстве она по этому поводу или нет. Потому что была весьма опытной официанткой, прекрасно видела перспективность пары Киря-Ира и понимала, что надо просто выждать. И тогда этот северный красавец будет точно её!

А этой серенькой невзрачной девке с лицом, как будто у неё кошелёк только что украли, вообще нечего делать рядом с таким видным мужчиной, которого бог наделил и телом и лицом. Я подожду – тебе, милочка, всё равно ничего не светит с этим мальчиком. Потому что ты – дура...

– Выпьем! – Ольга подняла бокал, её свободная рука шарил под столом в районе Денчиковых гениталий. Денчик блаженно улыбался – вечер явно протекал по задуманному руслу и перспективы его были весьма ясными и многообещающими.

– А за что? – спросил он немного дрожащим голосом, бокал в его руке поигрывал. Хотя, может быть, это было просто воздействие громкой музыки.

– За страстный! Улётный! Секс!

– О-ы-ы... кака-ая ты...

– Да-а, я – така-ая!..

Они реально хотели друг друга прямо за этим столом...

Сашенька с барной стойки всё прекрасно видела и немного завидовала Ольге.

Потом её отвлекли посетители, и она на некоторое время выпала из действия...

– А мы танцевать! – Ольга вскочила и потащила немного сутулящегося Дениса в круг. Там они слились в танце, хотя был быстрый.

– Самка!

– Что? – Кирюша подался к Ирине, увидев, как шевельнулись её губы – слов он, естественно, в этом шуме не расслышал.

– Ничего.

Ирина схватила бокал и сделала вид, что пьёт.

Кирюша усмехнулся, и некоторое время помолчал, наблюдая за танцующими.

– А давай я тебе погадаю? – Он опять придвинулся к девушке и положил перед ней на стол раскрытую ладонь, – по руке, хочешь?

Ира пожала плечиками, отпила мизерный глоточек вина, покумекала и всё-таки положила свою ладошку к нему на руку. Киря придвинулся на стуле и пару десятков секунд внимательно смотрел на её руку. Ирина с бокалом у губ изучала чего-то сбоку. На самом деле у неё впервые проснулся какой-то интерес, но показать его она посчитала ниже своего достоинства. И что прикосновение мужской руки не было неприятным.

– Твоя судьба приготовила для тебя много испытаний, – сказал Киря, – но все они сводятся только к одному – научить твоё сердце любить.

– Какой пафос! – вырвалось у Ирины презрительно, она тут же отдернула руку и села в закрытую позу, обхватив себя руками и закинув ногу на ногу.

– Когда-нибудь твоё ледяное сердце озарит настоящая любовь, и оно станет живым и горячим.

– Ну, прям поэт! – губы девушки кривились, как от боли, – ты мне ещё расскажи – как это – любить!

Но Кирюша не обиделся на такую, в общем-то, невежливую реакцию. Он как будто ожидал её. Взял свой бокал, посмотрел на свет сквозь него и сказал спокойно:

– Выпьем за любовь, потому что ты...

– И мы, и мы с вами! – это Ольга с кавалером уже были за столом, – Кирюша, налей и нам.

Кирилл кивнул и наполнил бокалы друзьям.

– За любовь, – сказал Денчик, жадно поедая Ольгу глазами.

– За любо-овь... – томно протянула Ольга, подаваясь всем телом к мужчине и сжимая при этом плечами великолепную грудь.

– У-ух ты! – Ден вообще прибалдел.

– У-ух, я!

– Так что – потому что я?! А? – вдруг резко и с нажимом спросила Ирина, с жёстким блеском в глазах уставившись прямо в глаза Кирюши. Руками она сжимала до белых косточек бокал, уперевшись локтями в столик. И казалось, что сосуд с вином из толстого стекла вот-вот лопнет от такого страстного напора... – И что ты знаешь, мальчик, о любви такого, чего посмел учить меня?!

– Что? – Киря был сама любезность.

– Так, Ирка. Не заводись, – Ольга тут же переключилась с Дениса на подругу, мгновенно учуяв надвигающуюся беду.

– Я спрашиваю, – громко и чётко сказала Ира, вызвав интерес у других посетителей кафе (музыка закончилась и образовалась некая пауза), – что ты, недоумок такой, можешь знать о любви?!

– Ты чё, тёлка, гонишь!!

Это Денчик мгновенно набылчился, но Кирюша не произнёс ни слова в ответ на хамский выпад Ирины. Лишь на сотую долю секунды глаза его сузились в какой-то глубинной мысли...

Сашенька улыбалась, наблюдая за всем происходящим с безопасного расстояния – её планы претворялись в жизнь даже быстрее, чем она рассчитывала. Официантка думала, что конфликт произойдёт под конец застолья, когда выпитого будет достаточно для сноса крыши у этой зазнайки, а тут она сама ну так удачно...

– Эй, так! Всё в порядке, мальчишки! – Ольга властно положила руки на плечи парням – Денис подчинился и сел обратно на стул, Киря же вообще не дёрнулся и сидел спокойно на стуле. – Ирина у нас немного пьяная, с кем не бывает!

– Не пьяная я! И чего ты ко мне лезешь, сука!

– Ого! – казалось, что разом выдохнуло всё кафе.

– Что вы все тут знаете о любви, быдло? – А Ирина уже чувствовала себя судьёй на процессе над всеми изменщиками и неверными обманщиками. – Только вам трахаться, как кролики и больше ничего! Ты же меня трахнуть хочешь, Кирилл, так ведь? Я же вижу по глазам, что хочешь!

– Нет. Никто тебя трахать здесь – не собирается...

– Ты врёшь, как и все мужланы! Болтовня о верности и чувствах! А ты, лучшая подруга – ага ж, лучшая, всё у тебя только животный секс на уме! Потому что ты самка! Крольчиха!

– Да, у меня секс на уме, – с кривой улыбкой пыталась перевести всё в шутку Ольга – народ вокруг с интересом глазел на их скандал, а ей это не могло нравиться. Как бы то ни было, все свои похождения она старалась всё-таки держать при себе, редко чего-то кому рассказывала, исходя из мысли, что ведь могут и сглазить завистники её успехам. Но и терпеть эти оскорбления она не желала, а потому немедленно перевела стрелки: – А вот ты, дорогуша, как я погляжу, к сексу вообще равнодушна. Сердечко у тебя ледяное. У мамы твоей в тысячу раз добрее сердце, чем у тебя.

– Ты мою мать не трогай!..

– И скажу тебе ещё кое-что, милочка Иришенька. Правильно я сделала, что у тебя Ваньку увела – он мне ещё спасибо должен сказать, что я уберегла его от такого бесчувственного бревна!

– Это какого Ваньку!? – вскричал, закипая Денис.

Кирюша со странной улыбкой наблюдал за ними.

– Это не твоё собачье дело! – крикнула Ира.

– Слышь, лопоухая ты мне рот не затыкай, а то уши-то по оборву!

– Ты – мне?!!

– Да! Чебурашка!

– Я – Чеубрашка?!!

Денчик кивнул с довольной улыбкой, и тут же ему в лицо полетела порция вина из Ирининого бокала.

Сашенька едва сдержалась, чтобы не заплодировать!

– Да ты чё, тёлка, совсем с ума съехала?!! – на Денисе с обеих сторон висели Ольга и Кирюша, а Ирина с гордо поднятой головой уходила прочь из этого вертепа и притона, провожаемая удивлёнными взглядами посетителей кафе. Сашенька почти с благоговейной благодарностью смотрела ей вслед.

– Ну и психованная у тебя подружка! – Денис решил всё-таки остаться, – больная на всю голову.

– Больная, – Ольга утирала его лицо. – Не крутись, дай я тебя вытру.

– Да хрен с ним – высохнет и так! – Денис взял девушку за талию и почти прижал к себе, а её ладонки были мягкими и очень нежными, хорошо пахли.

– Майку с шортами надо застирать сразу, – посоветовал Киря, – а то потом вино это не отстираешь. Знаю по опыту.

– Тогда пойдём к вам, и я всё выстираю, – ласково сказала Ольга.

– Выстираешь?

– Да, мне несложно. Только прости мою непутёвую подружку, не держи на неё зла.

– Ну, тогда тебе придётся ещё кое-что сделать.

– Обязательно, милый.

– Да? А не врёшь?

– А зачем? Ты мне нравишься. Очень. И Кирюша тоже очень нравится.

– О! Так прям – оба и нравимся? Слышь, Киря!

– Именно так, мои мальчики. Сегодня у меня последний вечер на отдыхе, а было в нём с этой придурочной столько негатива... Я ещё так никогда ненормально не отдыхала. Честно! С этой душой такого тут нахлебалась, да вы и сами только что видели, что у неё в башке творится... И потому хочу вас сегодня порадовать и чтоб вы меня оба так порадовали, что б мне потом наш последний анапский вечер полгода снился в самых смелых эротических снах!

– Вот это я понимаю – тёлка что надо! – Денчик светился, как котяра, которого приласкала хозяйка.

– А что там с Ванькой-то было? – спросил вдруг Кирилл.

– Да хрен с ним! – это махнул рукой Денчик.

– Ну а всё-таки? Скажешь?

– Ну почему же не скажу, скажу. Я переспала с ним, а его Ирка ждала из армии. Он вернулся – я с ним и переспала в тот же вечер.

– А зачем?

– Просто секса хотелось, а он меня трахал ещё в школе. Хорошо было. Ну, вот я по старой памяти к нему и залезла. Ему ж с фронта сексу тоже хотелось ведь, я понимаю – он голодненький такой был. А эта малахольная всё замуж хотела и девственности лишиться в первую брачную ночь – ну и сколько бы ему ещё ждать?! Такого счастья? Ну? Вот я его и пожалела.

– А Ирину не пожалела?

– Ой, Киря, не усугубляй. Это ей урок на всю жизнь – пусть клювом не щёлкает.

Парни помолчали, обдумывая слова Ольги.

– Ну и что теперь? – спросил Денис.

– А теперь, мои дорогие, я хочу вина и любви. И предупреждаю, что я с вас живых сегодня не слезу. Давай-ка возьмём ещё этого красненького сладкого пару литров и почешем к вам. А то эти пустые разговоры мне уже надоели. Если будем – то пошли.

– Ну, надо же какая тёлка! – восхищённо сказал Денис, – первый раз в жизни у меня такая!

– А мне жаль её, – сказал Кирилл. – А ты Ольга, стерва ещё та.

– Да, Кирюша, я – стерва. Но я люблю вас, мальчики, и жизни без вас не представляю. Потому мне с такими убогими, как моя подружка, не по пути.

А Ирина тем временем быстро шла к кемпингу, ругаясь под нос, на чём свет стоит.

Она сошла с освещённой дорожки и засеменила по тропинке, которую девушки развели ещё в первые дни отдыха. Тропка петляла между кустами и холмиками песка вдоль моря; Ирине посчитала, что так будет ближе. Но дорожка, вытоптанная по песчанику среди зарослей, была едва видна в темноте (ночь стояла безлунная) и можно было запросто запнуться за что-то и загреметь всеми костями. Но Ирина в бешенстве этому не придала никакого значения.

– Придурок! Козёл! А эта ещё – прошмандовка! Крольчиха! Самка, твою мать!..

...Я ведь завидую тебе, сука. Тупо завидую! И всегда завидовала, ещё со школы, даже и не припомню – с каких классов... С восьмого за тобой пацаны бегали, на нас вообще никакого внимания, раз есть такая принцесса в классе!

...И юбки твои короткие. Как шнурки завязать или носочки поправить – так у всех шеи вытягивались на твои белые трусы!..

...А сиськи, бесстыжие сиськи твои, притягивающие взгляды, что мальчишек, у которых колом (сама видела!), что девок, у которых и намёка ещё нет, как же тряслись на уроках физкультуры – в баскетбол там, или пресс покачать! Иван Сергеевич, физрук наш, уж на сколько дедок, шестьдесят лет, так всё тебя на перекладине подсаживал, за ножку твою хватался. Старый, блин, пердун!

...А бежала ты как?! Как, твою мать! А? Сука!!! По пляжу, днём сегодня? Я ж видела, когда семеняла, что курица: за тобой! Откуда такая грация и сила? В тебе же килограмм восемьдесят, не меньше! Все мужики тебя хотели трахнуть прямо на песочке! По очереди! И чтоб каждый!

А меня?! Кто меня хотел?..

И вдруг она резко остановилась, потому что неожиданно для себя самой поняла, что же именно привело её в такое состояние, от чего так переклинило мозги, что дало повод для недовольства. И ругалась она сейчас вовсе не на Денчика и Ольгу. А на...

Кирюша ей понравился. Это нахлынуло резко, как ушат холодной воды, вымыв мгновенно досаду на Ольгу. И девушка вдруг ощутила Кирюшу так, как будто он её обнял.

От него хорошо пахло, он был опрятен и чисто выбрит; а фигуре бы позавидовал Аполлон!

И она застонала в бессильной ярости на саму себя, от ужасной досады – как же так, таки промохала опять своё счастье!

Ирина едва не упала в бессилии, и упёрлась, нагнувшись, руками на колени – так ей стало невмоготу от собственной глупости!

– Ну, какая же я ду-ура!

И она поняла ещё одну вещь – её мрачность, нетерпимость и откровенное хамство проистекало из-за того, что она гнала от себя назойливые мысли, не давала в воображение пустить такие притягательные, такие сладкие картины о том, как она гуляет с Кирюшей.

Сначала за ручку. Потом в обнимку...

Какие у тебя сильные руки, мальчик мой. Только мой...

...И опять свадьба – с белым лимузином и кучей весёлых и празднично одетых друзей – Денчик и Ольга свидетели, чёрт бы их побрал, опять сосутся при всех!

...Мать плачет от счастья, отец благодарит Ольгу – заслужила ведь!

...Такие их дети красивые, что хочется кричать от гордости и восторга! Потому что у таких красивых и счастливых родителей как Ирина и Кирюша, которые так искренно и нежно любят друг друга на зависть всем, просто обязаны быть красавчиками дети! Мальчик и девочка. Девочка теперь обязательно старшая – послушная и добрая, как и её счастливая мама...

... должна быть... должны быть... быть...

Дура! Как можно было быть такой душой!?

И Ирина с размаху засадила себе мощнейшую пощёчину! Даже уже не пощёчину, а скорее – затрещину! И как случается у людей, которые никогда толком не дрались, вышло от всей обиженной на саму себя и весь белый свет души – мощно и хлётко!

Некоторое время девушка приходила в себя от сокрушительного само-нокадауна. Поняв, что находится на четвереньках на жёсткой земле, усеянной острыми камешками и веточками, больно впившиеся в ладони и коленки, она с трудом поднялась и тихонько скуля, побрела в сторону кемпинга.

Было темно и тихо, море едва шумело справа, лишь гулко из-за спины доносились звуки гуляющего южного города, хватающего полной сумой жаркие и страстные ночи. Где-то далеко помаргивали огнями кораблики, стоящие на рейде, или совершающие ночные морские прогулки...

Она не видела их, да едва различала тропинку, ступая почти на ощупь. Горькие слёзы текли по щекам, их даже не утирала. Находясь ещё в прострации и слабо соображая, Ира не замечала, что вот уже с минуты кто-то идёт за ней...

Завтра она улетит в постылую Москву, будет опять, всё как всегда – одиночество, одиночество, одиночество...

И удар по правой почке был страшным именно своей неожиданностью!

Девушка упала, как подрубленная ёлочка зимой, боль была такой сильной, что мозг ещё две секунды отказывался принимать информацию, и Ира ощутила, как сильно ударились лбом о твёрдую сухую землю, завалилась на бок, оцарапав левый локоть.

А потом накатило так, что она не смогла от резкой острой боли потерять сознание, а пытающийся вырваться крик сдавил спазм откуда-то изнутри, будто из лёгких не смог вырваться надувной горячий шар...

В полуобморочном состоянии Ира чувствовала, как кто-то переворачивает её на спину, шарит руками по телу, с хрустом рвёт лёгкое платье, тискает грудь – это было омерзительно и жутко, она замычала невнятно, не соображая ни слова. И тёмный силуэт на фоне вращающегося неба с расплывшимися от слёз пятнышками звёзд приблизился к ней, на несколько секунд прекратив добираться до цели, в нос ударил тошнотворный запах лука, специй, перегара и какого-то парфюма, опять сдавивший спазмом горло, но у девушки не было сил отвернуться.

Она услышала приглушённый смешок и чей-то очень знакомый голос прошептал:

– Моя девочка, моя...

А потом ударил её.

И ещё, и ещё раз.

Но в темноте атакующий толком не увидел, куда бьёт, потому удар пришёлся один раз в верх лба, содрав кожу у волос, раз черкнул по верхней губе, и ещё куда-то в затылочную часть, к шее, но больше в землю, чем в голову. Силы видимо были вложены в самый первый удар, снёсший с ног, а эти – больше для собственного удовлетворения и для острастки жертвы.

Насильник замешкался – стоя перед распростёртой девушкой на коленях, он стал торопливо расстёгивать штаны, но замок заело, и мужчина нервно его дёргал, глухо ругаясь себе под нос.

А Ирина быстро приходила в себя – ангелы теребили её за нос, заставляя мозги работать, а страху отступить. Она уже хорошо чувствовала свербение в разбитом лбу и поцарапанном локте, голова почти перестала кружиться, как будто удары насильника стали ободряющими оплеухами, боль же в боку отступила, стала тупой и гораздо более терпимой.

Мерзавец к тому времени справился с замком на штанах, рывком стащил их вниз до колен и теперь возился с трусиками девушки. Сначала он их хотел разорвать, как и платье, но ткань оказалась куда крепче; стал тогда просто их стаскивать, приподнимая тело над землёй одной рукой. Ирина не проявляла никаких признаков жизни, наблюдая за парнем через полуприкрытые веки. Мыслей у неё не было, паника вдруг отступила. Она просто наблюдала за ублюдком, ничего не думая.

А тот, освободив себе дорогу, уже плохо соображая от вожделения, навалился на Ирину сверху, хватал довольно сильно пальцами за лицо, стискивая щёки, оттягивал кожу на шее,

слюнявил шею, ключицы и соски. Потом дёргаясь, елозя по всему телу, тыкаясь твёрдым шишаком куда-то поверх лобка, пытался найти путь к заветному сейфу, за которым – счастье, удовольствие, власть и слава в собственных глазах. И при этом насильник сипло и неровно дышал, полу-выговаривая слог:

– Де... воч... ка-а... Ха... а... рош... ш-ш-ш... а... я... а...

А девица, лёжа без движения, практически усыпила бдительность Джарика, которого и узнала в этот кульминационный момент. А ведь он был уже у ворот рая...

Ира резко извернулась под парнем, как змея, разорванное платье помогло ей в манёвре, схватила одной рукой за мошонку ублюдка, а другой за его стоящее железным столбом жеребье достоинство.

Это несомненное достоинство и предмет абсолютной гордости насильника уже столько лет не получало отказа в своём естественном желании быть победителем в передаче эякулята всем самкам мира! И тут какая-то замухрышка, которую царь царей снизошёл осчастливить в познании самого главного в жизни любой девушки, так неуважительно и бесцеремонно хватает своими цепкими пальчиками эту самую гордость и дёргает резко несколько раз в разные стороны – смертный испуг и жутко ж больно!!! А другой рукой она, это серенькое ничтожество, крутит, как заправский палач, драгоценную мошонку куда-то вверх и вбок – что больнее и страшнее в тысячу раз!!!

И Ирина вывернулась направо из-под застывшего как колодка любителя девочек, мечтателя. Лягнула его пяткой куда-то в живот или бок, отталкиваясь, придавая себе вектор движения, резво вскочила на ноги.

Как будто и не получила только что нокаут.

Адреналин плескался в крови как ртуть и жёг стенки сосудов, отчего боли уже не было, а пальцы и губы её горели, как в пламени мартеновской печи.

Иногда у Ирины при всей её малоподвижности и нескоординированной неторопливости в общении с предметами внешнего мира, получалось великолепно – точно, метко и сильно.

Это в нашем повествовании займёт особое место в описании её судьбы.

А насильник, наконец, смог набрать полную грудь воздуха и издал такой леденящий душу вопль, что, наверное, было слышно у побережья Турции! В Анапе же на несколько мгновений прекратился ежевечерний весёлый кутёж, люди остановились в танцах, сексе и винопитии и посмотрели друг на друга в секундном замешательстве. Ну а потом разом пожали плечами и с удвоенной силой и страстью продолжили свои занятия.

...И не целясь, просто наобум, но от всей души, как только смогла и на сколько было сил – со всего размаху и с двухшагового разбега, как пенальти в ворота противника сборной России по футболу в финале Чемпионата мира, Ирина засандалила носком туфельки куда-то в бочину катающемуся по земле и визжащему благим матом Джарику.

Она явственно услышала хруст, а кемпингист тут же заткнулся и уткнулся мордой в землю, продолжая лишь странно подёргиваться, хаотично елозя по ней руками.

Ира хотела его убить. И убила бы – если бы рядом валялась какая-нибудь палка, соответствующая по величине или камень потяжелее. Забила бы на хрен! Но в темноте, как на грех, ничего такого видно не было.

И она принялась дубасить его ногами, куда придётся – в основном по телу, так как цель была большая, и промахнуться было затруднительно. Джарик почти не подавал признаков жизни, не увёртывался и не защищался, лишь дёргаясь от ударов и скулящее выдыхая. Пару раз она попала в голову, но та была маленькой и твёрдой, и Ирина решила не портить туфли.

Она нанесла ударов тридцать, разбегаясь и в упор, несколько очень сильных и наверняка в результате у её жертвы оказались существенные побои. И лишь после того, как воздух стал

наждаком обдирать сухое горло, она отвернулась от насильника и на дрожащих ногах совершенно обессиленная побрела к своему проклятому вагончику.

Эти триста метров были самыми тяжёлыми за всю её жизнь.

...С трудом обнаружила ключ под крылечком в заветном месте (было очень больно наклоняться и приседать – боль в боку к концу пути вернулась), трясущимися руками отворила замок, вошла, всхлипывая и чего-то постоянно причитая, едва переступая и прихрамывая на правую ногу, тут же бухнулась на ближайшую кровать в абсолютном изнеможении. И мгновенно отключилась.

В ту ночь реальная опасность висела над ней, и не только над честью, но и над формой существования её белкового тела. Это был знак, истинный смысл которого она так и не поняла, да и вряд ли когда бы захотела понять, а уж тем более принять в своей абсолютно приземлённой и практичной земной жизни. В жизни – где не было места ни богам, ни чертям.

Ей снился сон.

Она дома, маленькая – может, года четыре, но почему-то уже делает школьные уроки, сидя на жёстком подлокотнике их дивана. В комнате сумеречно, как будто мама экономит электричество и потому девочке приходится напрягать зрение, чтобы рассмотреть буквы и цифры. В комнате с нею какие-то люди. Они почти неосознаны и кажутся маленькой девочке роем комаров, бессмысленно и хаотично толкущихся в сыром вечернем воздухе, великанами, беспрерывно бубнящие негромко себе под нос непонятные слова и полуслова. Отчего в комнате стоит гул. Да, их лица и фигуры неразличимы, но Иришка сама не хочет их видеть, смотреть на них, узнавать...

Лишь периферийным зрением она угадывает их броуновское движение, старательно выводила какие-то буквы в тетрадке, лежащей криво на её тоненьких коленках.

И фоном всему этому бессмысленному действию Ира ощущает своим маленьким детским сердечком жуткое одиночество холодного безвоздушного космического пространства...

Ольга вернулась в кемпинг пол-одиннадцатого.

Ирина сидела молча на лавочке у крылечка, положив мирно руки на коленки, рядом стоял собранный чемодан. Она была одета в длинное шерстяное платье серо-зелёных оттенков, на голове шляпка, закрывающая пол-лица.

Ждала.

– Через пять минут придёт такси, и я еду в аэропорт, – вместо приветствия буркнула она.

– Ой, даже чаю не попьёте?! – звонко и радостно ответила Ольга, её улыбка сегодня была поистине голливудской – открытой и счастливой.

Ирина не смотрела на подругу, и та не видела ещё её лица, её глаз, в которых полыхало адское пламя обиды и ненависти.

– А чего это ты в платье до пяток вырядилась? Жарко же.

Ирина проигнорировала вопрос, а Ольга, не обратив внимания на эту причуду, быстро побежала в вагончик собираться. Не использовать возможность на халяву и с комфортом доехать до аэропорта – этого она не могла себе позволить. Именно – на халяву: раз Ирка вызвала такси, так пусть и платит, – я не подписывалась.

– Зря ты так с Кирей обошлась! – громко щебетала ублажённая и потому добрая москвичка, порхающая по вагончику. – Чего наговорила – сама понимаешь хоть? Фигню всякую. Это у тебя от недостатка одного витаминчика в организме – спермы, ха-ха... Да, я знаю, от этого девочек периодически клинит. От зависти, видать, уах-ха-ха-ха!

Она не видела, как на площадку кемпинга выехала медленная машина, Ирина махнула рукой водителю, он направил авто к ней.

– Ну и пусть, – продолжила Ольга, – мне ж оба достались!.. Ах, я еле хожу, Ирка – как они меня отделали, знала бы ты. Да чего тебе знать-то, девочка ты наша не целованная, откуда такое счастье понять? Мне теперь сидеть больно, а в туалете щиплет всё, хе-е-е... Вдвоём меня, понимаешь, по очереди и вместе прям так и этак, и сзади и спереди по-всякому драли, ах! Вот блин, я даже от этих воспоминаний завожусь... Думала утром, что мне теперь месяц мужики не понадобятся... Ты чего молчишь, клуша?! Эй! Противно слушать, как люди могут друг другу удовольствие доставить?

Ольга вышла на крыльцо – водитель такси убирал в багажник чемодан Ирины, а та уже намеревалась сесть в машину.

– Эй, а я?.. Ирка!

Ольга резво подскочила к подруге и повернула её к себе, не дав сесть в авто. Иринаглянула на Ольгу с такой ненавистью, что та отшатнулась в ужасе. И только теперь увидела ссадину на лбу с чёрными точками запёкшейся крови, вздёрнутую верхнюю губу с лиловым оттенком, затёкшие глаза, особенно левый, куда прилетело больше, отпечатки пальцев на щеках и шее – Ира умылась-то кое-как.

– А-а!.. Ч... Чего это?!! Кто это?!! Кто это тебя так?!! Да чего ты молчишь, ду-ура?!!

– Сама дура, – тихо, но гигантским презрением ответила Ира, движением плеч освобождаясь от захвата Ольги. – Меня твой дружок избил и едва не изнасиловал.

– Какой... дружок...

– Джарик твой. Падаль. Я едва вырвалась. Пару раз ему съездила, чтоб знал, тварь!

– Этого... – Ольга замотала отрицательно головой, слёзы брызнули из её глаз – а ведь она плакала очень редко. – Он не мог этого... Он не мог!.. Он же до-обрый...

– Пошла ты в жопу со своей добротой, – всё так же, не повышая голоса, Ирина оттолкнула, полезшую было к ней обниматься лучшую подругу. И прошипела, усаживаясь в кресло такси: – Знать тебя не желаю. Вечно ты мне одни несчастья приносишь, – и, повернувшись к водителю, резко выкрикнула: – В аэропорт!!

– Ой, я сейчас, я сейчас! – затараторила Ольга, бросаясь за вещами в вагончик.

– Поехали! – скомандовала Ирина.

– А как же... разве вы не вместе?

– Поехали!!!

– Ладно... кричать-то зачем, я слышу...

Ольга с чемоданом и сумкой выскочила с максимальной скоростью из летнего жилища, но такси уже выезжало из кемпинга. Ирина, не оборачиваясь, показывала из окна средний палец.

Молодая и красивая раздумывала недолго – покусала пару десятков секунд губы, поиграла, раздумывая о чём-то бровями, а потом быстро закинула вещи обратно в вагончик и прямоком рванула к хозяину кемпинга. И атаковала с ходу, не давая опомниться никому – оттолкнула его мать, выросшую было у неё на пути, проскочила в два шага в спальню, где ещё совсем недавно кувыркалась с южным жеребцом.

– Ты что же, стервец, удумал! – закричала она, стаскивая рывком одеяло со свернувшимся клубком любителя девственниц – тот якобы спал, укрывшись с головой.

– Шо такоэ, шо такоэ, Олэнка? – закудаhtала сзади мать насильника. – Джаричэк болээт, ему кто-то рэбро сломаль, пэчэн отбил...

«Ни фига себе – пару раз!» – хотела сказать Ольга, но сдержалась.

А вид кемпингиста, поджавшего волосатые ножки к не менее волосатому животу был жалок, смешон и весьма показателен в своей испуганной мужественности. Джарик был гол и взору Ольги предстали причиндалы, опухшие и синюшные даже в смуглой коже и охваченные заботливо ладошками насильника, а также множественные кровоподтёки по телу – действительно, Джарику досталось, как никогда в жизни.

На Ольгу глянул здоровенный оплывший сине-зелёный фингал, закрывший пол лица (это как раз туфелькой), свёрнутый набок раздувшийся нос (это вторая туфелька) – разбитая харя гордого кавказца сама за себя говорила об упавшей в пропасть гордыне. А довершающие картину страдальчески вздёрнутые брови и искривлённые губы в немой просьбе о прощении – всё это красноречиво свидетельствовало о свершившемся божьем правосудии. О заслуженной каре, постигшей наконец маленького паршивца, давно напрашивавшегося на порку того самого шестиклассника-эгибициониста, у которого сперматоксикоз отключил разум и мораль. Но Ольга не за тем прибежала сюда, чтобы жалеть получившего наказание и очень-очень раскаивающегося мерзавца.

– С-сучонок, что ж ты сделал, стрелец, твою мать!!! – заорала она мощно и резонаторно, как Шаляпин, исполняющий арию Фауста «Люди гибнут за металл!», схватила парня за курчавые волосы и стала таскать его по постели, как бельё в проруби, не обращая внимания на вопли обоих членов семьи.

– Ай, мэ!

– Джаричэк, шо так тебя!

– А ну, заткнитесь оба! Слушай, упырь, два раза повторять не буду, – заговорила Ольга быстро, не выпуская волосы из захвата и не давая опомниться так показательно побитому ублажителю. – Мы только что сняли с Ирккой в травмопункте побои и сейчас она в ментовке вовсю строчит заяву на тебя. У тебя минута на размышление: или мы даём делу ход – а у меня дядя в Москве прокурор в Генеральной прокуратуре, он даст команду, и ты просто взяткой не отделаешься, а пойдёшь по полной программе, и на тебя повесят все всяки Краснодарского края по нераскрытым изнасилованиям! – Ольга сама висела, как те самые пресловутые всяки грозной тучей над распростёртым Джариком, на всякий случай придавив того коленом, тот в ужасе смотрел на неё одним глазом, подняв перед собой ладонь (вторая всё также пыталась прикрыть пострадавшую гордость). – И я устрою так, что ты на зоне попадёшь в такое место, где таких, как ты – опускают каждый день! В задницу! И станешь ты голубком, самым известным в Анапе. Прославишь задницей свою семью та-ак далеко, что об этом узнают все твои родственники, прям до самой Америки, уж я – постараюсь-с-сь!.. – Она сделала классическую паузу и припечатала: – Или ты сейчас же выкатываешь сто пятьдесят косарей, и тогда я замну дело!

Всё это Ольга проговорила яростно, громко и так напористо, не давая опомниться обоим, что семья не посмела и рта раскрыть. Но когда в прокурорской тираде была поставлена точка, оба немедленно залопотали на своём.

– А ну по-русски и только по делу базар!!!

Ольга отпихнула парня за вихры в сторону и вцепилась в его яйца другой рукой – Джарик тут же завизжал. Мать его запричитала и заплескала руками, боясь как-то вмешаться в экзекуцию.

«Чем же ты его так, подруга – ведь на теле живого места нет!»

– Тебе напомнить, чего ты сделал и за что пойдёшь по этапу?! И что ты можешь потерять, а? Документы на землю есть? Разрешение на предпринимательство есть? Налоги платишь? Взятки, сука, даёшь?! Так напомнить?!!

– Да! Да! П-пожалуйста-а-а!

– Чего? Не слышу!

– Да, я дам! А-а-а, отпусти-и-и!

– Тебе минуту!

Девушка отпустила захват, кемпингист, скуля, поднялся с постели и, обливаясь слезами от боли и страха, поковылял, держась за сломанное ребро рукой в другую комнату, другой рукой заботливо придерживая опять пострадавшие причиндалы. Мать было рыпнулась за ним, но Ольга властно преградила ей путь рукой – мол, пусть сам, стой здесь. А сама разумно последовала за должником, понимая, что тот может банально улизнуть через окно. Она заставила

Джарика открыть сейф, спрятанный за гардеробом и вешалками с одеждой – тот пытался как-то взять деньги незаметно, но Ольга, играя роль до конца, влезла с ним в шкаф, запустила руку и достала наугад внушительную пачку денег. Показала Джарику кулак, тут же быстро пересчитала деньги, ещё раз залезла в сейф, прижав парня своим роскошным телом, как в последний привет о приятных минутах, проведённых вместе. Пересчитала ещё раз, кивнула сама себе (взяла несколько больше, но сдачу отдавать не стала) и так же молниеносно вышла из дома.

Через пять минут она уже скакала с вещами по тропинке в сторону остановки – надо было спешить, времени было мало. Ей повезло – на кругу одиноко урчала машина такси, из которого выгружалось приехавшее на отдых семейство.

Тут же с разбегу кинула в освободившейся багажник вещи и, не оборачиваясь, абсолютно без всякого сожаления покинула навсегда это место.

– В город, в Трансагентство.

– За былётами? – улыбался усатый южный красавец.

– Да, золотой! – так же обворожительно улыбаясь, ответила девушка. – И, если можно – побыстрее!

– Можно! Такую красавицу мигом дамчу!

«Все вы такие, – с презрением подумала Ольга, не переставая улыбаться хачику, а тот просто цвёл в лучах её улыбки, – дай только глупую русскую бабу трахнуть! Любым способом под юбку залезть, ухарь восточный, твою мать!»

Ольга сдала билет, потеряв значительный процент, но ей было плевать. Купила самый дорогой телефон, какой был в ближайшем магазине сотовой связи, вставила заботливо сохранённую после выходки подруги симку. Повертела в руках трубку, стала набирать номер, вспомнила, как Ирина раскурочила предыдущий телефон:

– А ведь в ней есть потенциал, – пробормотала Ольга, с пиканием придавливая кнопки, – да и Ванька после выпускного что-то такое говорил. Надо же – а с виду, такая клуша... Алё, милый!.. Ты проснулся?.. Как кто, Денчик!.. А-а-а-а, да-а-а!.. Короче, чисти зубы, беги за вином, я лечу к тебе... Нет, да хрен с этой Москвой! Я решила ещё недельку с вами потусовать, как ты на это смотришь?.. Прекрасно, я – мигом!

А Ирина до самой посадки прождала Ольгу, в тайне надеясь, что подруга примчится за ней вслед – конечно же, с извинениями. И представляла себе диалог в лицах, как она выговаривает сурово и обличительно, как Ольга плачет и кается, и как, в конце концов, хорошенько помучив, Ира милостью своею...

Кончились мечты тем, что москвичку стали вызывать по громкой связи, приглашая на посадку.

В самолёте на месте Ольги оказался какой-то абрек, что привело Ирину в бешенство – она всё поняла и ненависть к подруге вспыхнула с новой силой.

Весь полёт она просидела, насупившись и прикрываясь шляпкой, пряча лицо. Как только сосед порывался пару раз выйти по необходимости, она вскакивала, как ужаленная, пропуская его к проходу. Мужчина заметил её состояние и тактично не проявлял никакого интереса.

У трапа она была первой.

«Кинула, сука!» – эх, если бы Ира знала, что подруга не только её кинула, но и ещё неплохо наварилась, она, возможно, при встрече отомстила по примеру наказания Джарика, но...

– Съездила отдохнуть, твою мать, блин! – съязвила мать, увидев дочь с разбитым лицом. – Вот вся в отца!

Это была наглая ложь и абсолютно бессовестный наговор – Георгий Иванович был дипломатом от природы и мог, при необходимости, разрулить бескровно и без потерь любую ситуацию. К сожалению, в таких делах дочь пошла в мать.

Ольга же развлекалась от души, как никогда в жизни.

Джарик просидел, забившись под одеяло полтора месяца, трясаясь и ожидая в каждую минуту ареста. Ему даже в голову не приходило куда-то спрятаться или удариться в бега – так его потрясло наказание посредством тувалек Ирины. Он сильно похудел, особенно на лицо – еда не лезла ему в глотку, мать совсем с ног сбилась, пытаясь хоть как-то убаюкать сына.

Но раны постепенно зажили, аппетит на радость матери вернулся, причиндалы заработали и всё явственнее требовали погонять кровь. И кемпингист стал потихоньку выползать из своей норы. Увеличил немного стоимость за постой и впихнул на поляну ещё два вагончика, чтобы компенсировать потери на Ольге, но всё равно народ в сезон валил валом: место было прикормлено и очень удачно расположено с кучей достоинств. Да, Джарик платил ежемесячную мзду за него, но овчинка стоила выделки, очень даже стоила.

И некоторые одинокие дамы опять стали проявлять интерес к южному ловеласу, наслышавшись о его подвигах от подружек. Джарик всенепременно и с возрастающей самоуверенностью отвечал удовлетворительно на их естественные желания, постепенно обретая былую харизму. И как бы жизнь вернулась на круги своя...

Настолько, что в один из августовских вечеров, не в силах противостоять неслышному зову, опрокинув в себя сто пятьдесят дагестанского коньяка (своё вино на дело он никогда не пил – оно слишком расслабляло и предназначалось для дамочек), Джарик выскочил незаметно из домика и пустился быстрым шагом по знакомой тропинке в сторону моря. Опять стояла тихая безлунная анапская ночь, способствовавшая охоте...

Он знал, что в соседнем кемпинге, всего в километре, молоденькая, но вдруг повзрослевшая дочка очень-очень, практически вдрызг, разругалась сегодня с матерью, молодой и активной женщиной. Из-за чего была большая вероятность, что юная девушка в раздраенных обидах чувствах побежит гулять...

Он плохо кончил, любитель ночной клубнички.

Нашли его с проколотой пилочкой для ногтей печенью на песчаном берегу рано поутру, прямо напротив своего кемпинга, у той самой тропочки. Он лежал на спине, раскинув руки и ноги, смотрел в сереющее утреннее небо.

Несколько чаек деловито прохаживались рядом с трупом, примериваясь к мягкой плоти Джарика, выбирали – с чего начать пиршество. Крабы сутились по песку, их не приглашали, но они явились в радости. Обнажённый живот с чёрными разводами запёкшейся крови торчал вверх, в полузакрытых глазах застыла последняя мука.

Нашла его парочка, вздумавшая после бурной ночи искупаться.

Подняли крик, в ужасе помчались в кемпинг.

Поставили всех на уши, молотили ладонями по стенам, дверям и окнам вагончиков, созывая людей.

– Джарика зарезали!

Мать выскочила из дома, в чём была со сна, и, подбирая длинные полы ночнушки, побежала, что было сил, вместе с тремя десятками отдыхающих к берегу, воя в голос на ходу...

Изрезала ступни об острые камни, корни и хворост, не замечая укулов. И, выскочив на пляж, увидев на берегу распластанное тело сына с альбатросом на груди, который по-хозяйски топтался и выбирал – с какого глаза он начнёт свой завтрак, она закричала подстреленной птицей, упала на колени, схватив враз застывшую голову. Альбатрос лениво соскочил с убитого, недовольно крикнул. И жар ударил в лицо матери Джарика, как шесть лет назад, когда на её глазах сбила мужа насмерть машина, но теперь огонь яростными толчками сжёг изнутри корни волос...

Она доползла до сына, мыча перекошенным ртом и обливаясь слезами. И только смогла схватить его за лодыжку, почувствовать холодную неживую твёрдость плоти, как душа её устремилась ввысь за любимым и единственным сыночком, стараясь догнать...

Эта картина была настолько ужасной и трогательной одновременно, что люди, столпившиеся вокруг, не стесняясь друг друга, рыдали в голос.

Но один из них незаметно отделился от толпы, быстро вернулся в кемпинг, беспрепятственно проник в дом хозяев, без особого труда в три минуты обнаружил и сейф с ключом и тайник с драгоценностями матери Джарика, быстренько выгреб содержимое. А в тайнике была шкатулочка с золотыми цацками и брелочками – мама Джарика, выскочив из дома, само собой ничего не взяла, кроме маленького нательного крестика. Так что всё досталось вору. Затем неизвестный нашёл кошельки с мелочью на каждодневные нужды, собрал в сумки кое какие вещи хозяев, погрузился в своё издававшие виды тачло и потихоньку на малом газу выехал с кемпинга. И скрылся, унося почти два ляма, а с цацками и все три...

Утром следующего дня этот человек был обнаружен в своём автомобиле недалеко от Краснодара. Со стороны казалось, что водитель просто спит, навалившись как-то не очень удобно на руль. И лишь струйка запёкшейся крови в нижней части затылка, там, куда пришёлся удар шилом, говорила, что всё не так просто...

Само собой, ни денег, ни драгоценностей при нём не оказалось.

...Сейчас на этом месте солидный пансионат.

Нет никаких вагончиков и бивачной вольницы, домика хозяев кемпинга и в помине нет. Красивые тенистые аллеи, посыпанные белым кварцитом, невысокие корпуса с кондиционерами и любыми развлечениями для отдыхающих – бассейн, водяные горки, СПА, медкорпус. пляж оборудован и имеет все необходимые прикормы для безопасности и удовольствия. Отдельно летний кинотеатр и танцплощадка. Прекрасный ресторан. Да, ничего уже через три года не напоминало о былой дикой нетронутости побережья, где любвеобильный, но немного увлекающийся и терзающийся детскими обидами мужчина выходил к морю, мечтая о той единственной, которая всё ждёт и ждёт его в том самом школьном туалете...

Глава 3. Вася

Они перешли на другую ветку метро.

Ссутулившись и не оглядываясь, мать быстро тащила за собой сына, тот семенил мелко сзади и со стороны никто бы не признал в них какого-то родства – реально казалось, что мачеха волочет упирающегося пасынка-плаксу: Мишенька болтался сзади, как цветок в проруби. Голова его и тело весьма живо реагировали на дёргание матери, казалось – вот-вот шейка тоненькая сломается от такого мельтешения. И личико мальчика выражало при этом ну крайнюю степень обиды. Иногда бывало в таких перебежках: кто-то нагонял Ирину и выговаривал на счёт издевательств над ребёнком, на что мальчик начинал пронзительно ныть...

Потому Ирина тащила его за собой как можно быстрее.

Они вошли в вагон.

Ехать оставалось всего одну остановку по кольцевой, которую женщина глухо ненавидела; терпела лишь потому, что недалеко. Ирина крепко держала сына за руку, не давая сесть – по кольцу ездят всякие маргиналы и бомжи, спят на лавках, вонючие и вшивые – куда Лужков, мать его, смотрит – перестрелять надо давно этих уроков!..

Двери хлопнулись, мальчик повис на руке. Ира хотела что-то ему сказать, но тут её сердце громко стукнуло и остановилось – в отражение стекла она увидела за собой Васю.

– М-ма-а!..

Но тут женщина резко наклоняется к лицу Мишеньки и практически рычит, едва сдерживая шёпот, прямо ему в левый глаз:

– Заткнись, а то выкину на хрен из вагона!!!

У мальчика от неожиданности глаза лезут на лоб, а Ирина, сильно прижав его ручку к бедру, выпрямляется и, холодея, с ужасом смотрит в бликующее отражение, на Васю.

А Василий читает газету и ни на кого не обращает внимания.

За эти годы, что они не виделись, он сильно располнел, на голове ранние залысины почти добежали до затылка. Одет в стильное и дорогое пальто, смотрит через очки в золотой воздушной оправе (а Ира помнила, что одиннадцать-двенадцать лет назад её первый мужчина не имел проблем со зрением). У его ног стоит портфель из дорогой кожи, да и ботинки, запонки, часы, пара перстней, животик как у Ганеши – всё говорило о достатке, неспешной и солидной работе на руководящей должности, а также о хорошем и регулярном питании Василия.

Какие же у сына противные ладошки! Потные, склизкие, и при этом такие цепучие – фиг вырвешься!..

Вася в юности был бирюлёвским гопником – вот, ни много, ни мало! И, впрочем, не удивительно, что после службы в армии молодой москвич пошёл в отделение милиции. Потому как выбора у него особого не было – до институтских мозгов он дожить не удосужился, на завод вслед за отцом идти париться натурально в литейке посчитал ниже своего достоинства, да и денег там стали платить после перестройки просто неприлично – ни на баб, ни на пиво. Что – опять выходить на улицу и заниматься мелким криминалом? Останавливали судьбы друзей – кого-то уже грохнули в стремнине передела советской собственности и раздела сфер влияния, кто-то свалил за рубеж, а Вася был к языкам равнодушен. И вообще он прекрасно понимал, что за бугром ждут лишь рабсилу – а гнуть горб на дядю ему хотелось меньше всего.

Пошёл, поразмыслив день-два, в свою районную родную ментовку, где и прослужил более десяти лет, вырос до старшего оперуполномоченного. Получил за заслуги однушку, купил в процессе двухлетнюю Нексию. Как-то особо ничего не скопил за годы службы, даже телика и стиралки в доме не было, может быть потому, что для жизни ему было совсем немного надо.

Как редкое хобби любил фантастику и детективы – собрал библиотеку и читал иногда, мечтая о том, что сам напишет сценарий для «Улиц разбитых фонарей», где играли его любимые актёры.

При этом семью, как ни просили уже усопшие мать и отец, так и не завёл, избалованный местными проститутками. Да и, если честно сказать, из-за катастрофической нехватки времени в ментовской жизни в последнее десятилетие бурного двадцатого века семья для него была бы обузой в той, в общем-то, опасной и нередко неблагоприятной, черновой работе по зачистке общества от всякого маргинального элемента. А уж этого элемента расплодилось (повторим газетный штамп) – «в лихие девяностые», ого-го сколько...

Василий был на хорошем счету у руководства. Реально он всегда чувствовал людей, пройдя жестокую уличную школу взросления в одном из самых неблагоприятных районов столицы. Знал – где и как надавить, где и как подмаслить – чтобы был толк. Ну, само собой, не брезговал ничем, обладая житейской смекалкой и логикой. Потому был успешен в розыске, уважаем товарищами, за которых всегда был горой и в огонь, и в воду. Конечно, начальство старалось закрывать глаза на некоторые, скажем так – неконституционные методы дознания, главное же был – результат. А результат Вася давал. Он был настоящим русским ментом как в кино: своих не бросал, чужим спуску не давал – потому и держали до определённого момента на рубеже века, когда новое столичное руководство в свете реформы МВД стало чистить свои ряды.

В общем, после перестрелки в сауне, когда пьяные служители закона из двух разных УВД и налоговой не поделили проституток, Васе указали на дверь, уволив «по собственному» за

день до инцидента. Хорошо хоть не перестреляли друг друга, московские весельчаки. Пуля в ляжке у одной из путан с украинским паспортом – не в счёт.

Итак, Ирина пришла на работу в профильный НИИ. Как она входила в коллектив и дела – это не интересно. Главное – уже через полгода она смогла заниматься теми институтскими наработками, которые позволили ей взяться здесь за давно планируемую кандидатскую. Конечно, рекомендации с кафедры, личное содействие научных руководителей вкупе с решимостью Ирины заниматься именно своей темой, а также неким пренебрежением к устоявшемуся порядку продвижения сотрудников НИИ, их значимости в работах института, субординации – сыграли свою пробивную роль.

Начальство внимательно следило за успехами молодой сотрудницы, имея на её работу определённые планы. Ирина же ничего не подозревала – в контакт с коллегами вступала только по мере производственной необходимости, в основном лишь «здравствуйте» и «до свидания», чётко отработывая положенное время без опозданий и бюллетеней. Тут же прослыла сухарём и серым чулком, который ничего не видит дальше собственных амбиций. Она не слушала эти пересуды, и не прислушивалась, презируя сплетников.

А зря.

Ира скопила за полгода денег, не позволяя себе никаких трат, чем так же вызывала пересуды и усмешки шопоголичек и любительниц поболтать за чашкой чая: «На хрена ей деньги – каждый день приходит в одном и том же костюме на работу!». Это был злобный наговор – да, Ирина не особо следила за тем, чего надевает, но меняла одежду регулярно, пусть и однотипную. Мать же думала, что дочь копит на ремонт и очень этого опасалась, не желая, чтобы Ира съехала. Но та о ремонте пока и не думала.

Дочь просто в один из дней, посчитав в который раз заначку, пошла и сделала себе уши. Чтоб не топорщились, как локаторы. Чтоб ни у кого даже в мыслях не было назвать её Чебурашкой! Ведь она прекрасно помнила слова Денчика (она вообще никогда ничего не забывала, другое дело, что она «вспоминала» только то, что ей было выгодно или необходимо в данный момент). И эта обида, этот комплекс сидел в ней жёстко: «Кому на хрен я нужна такая ушастая! Кому, кому нужен этот лопоухий, смешной и глупый Чебурашка?!»

Вот потому пошла и сделала себе эти долбанные уши!

Мать традиционно пришла в ужас от очередной выходки дочери, отец же одобрил – он уже серьёзно беспокоился о судьбе Иры и её одиноком существовании: шутка ли, ей уже 23, а до сих пор никого не было и планов никаких. Кстати, историю с Ванькой он не знал – дочь не удосужилась тогда его посвятить в свои планы, когда как её ближайшее окружение, напомним, было в курсе всех перипетий «ожидания счастья». Она как-то тогда беспечно отнеслась к этому вопросу, полагая объявить отцу накануне свадьбы.

Вот был бы сюрприз для Георгия Ивановича!.. Или «сюрприз»?

Ирину хвалили на работе – директор НИИ почти каждый день заходил к ней в кабинет, интересовался ходом работ, нередко присутствовал на опытах в лабораториях и боксах, оперативно решал все технические вопросы. Кивал и подбадривал. Опыты ставились один за другим, приборы и техника была задействована на все сто процентов, бухгалтерия не успевала выделять фонды – вот на бухгалтерских как раз дирик спускал всех собак, не стесняясь Ирины и её научного руководства. А те помалкивали...

И диссертация стремительно обретала законченный вид, форму и смысл – как логический, так и формулярный. Вообще в документах у прагматичной сотрудницы комар бы носу не подточил! Как говорится – верблюд бы не пролез в игольное ушко.

А завистники и сплетники засунули свои язычки куда положено после того, как директор показательно уволил одну из слишком ретивых сотрудниц, пожелавших «накапать» на моло-

дую, но раннюю выскочку, которой больше всех надо! Мол – зазналась, дела ни с кем иметь не хочет, оторвалась от коллектива.

...И не известно, чем она там занимается в рабочее время – требует себе компьютер, чтоб не пользовались другие! Так, а когда нам выполнять свою работу? У нас же план по отделу! И почему? Да! А знаете, что практикантка... ну, не практикантка, так без года неделю всего работает, а уже от коллектива нос воротит! Так эта молодка в последнее время остаётся допоздна и сидит одна на этаже – явно занимается своими корыстными делами на казённом оборудовании! Мы ж тоже сотрудники НИИ и побольше некоторых поработали во славу предприятия! А тут молодёжь зелёная, да наглая, авторитет ещё не заработавшая!..

И языкастой дали пинка под зад. Пересуды тут же прекратились. Но кое-кто прекрасно знал причину такого лояльного отношения к молодой сотруднице...

– Когда планируете защищать? – спросил в одно ясное утро дирик у Ирины. Они сидели за её компьютером, сотрудница показывала результаты опыта, проведённого накануне. Спросил будничным рабочим тоном, который так нравился девушке.

Директор НИИ был крупный брутальный мужчина с большой головой несколько странной формы. Покатый лоб намекал на родственные корни от неандертальцев, а мощная челюсть выдавала в нём успешного в прошлом боксёра. Две пары лицевых складок: носогубные и от уголков рта с вывернутой нижней губой, (указывающая на властолюбие и тайные пороки), почти параллельно стремились вниз, делая лицо застывшей маской. Даже удивительно, что такого кто-то мог полюбить и родить ему детей. Тем не менее, шеф предпочитал шатенок с грудью не меньше третьего номера – такие были практически во всех отделах и устраивались они на работу исключительно через особый оральный кастинг. Две секретарши работали в режиме два через два, молчали в тряпочку, но кое-кто знал, что обе были теннисистки с немалым разрядом, умеющие улаживать особые прихоти шефа. Плёткой.

– Через неделю, – ответила младший научный сотрудник, – осталось три опыта, по ним расчёты и всё. В принципе, всё важное уже сделано, я лишь хочу отсечь маловероятные результаты, потому прошу вас разрешить эти испытания материала вот в таких условиях.

– Конечно-конечно, – кивнул директор, забирая у девушки бумаги, – это планы опытов? Так-так... Ну, установки мы вам подготовим, вот эти реактивы закажем – будут через два дня. Очень вы меня радуете, Ирина Георгиевна, своим тщательным подходом к планируемым работам – всё наглядно и ясно, что за чем, в каких пропорциях, какие условия в печи, какое давление по временному отрезку... Даже лаборант-новичок спокойно может провести все работы по вашему плану, повторюсь – так здесь всё ясно и наглядно.

– Спасибо, – само собой Ирине понравились комплименты начальства, тем более она считала их совершенно заслуженными.

– Хм-м... Ирина Георгиевна, вы знаете, тут какое дело...

– Да? Что случилось?

– В нашем пермском филиале, вы наверняка о нём слышали... Да, я так и думал. Так вот, там образовалась некая проблема, в общем-то – серьёзная проблема. Вот, в командировочном листе всё написано...

– В командировочном? А как же?...

– Думаю, что вам как молодому, но весьма перспективному специалисту нашего НИИ, необходимо поменять на время вектор приложения своих сил, переложить, так сказать, направление своей умственной деятельности. И получить весьма полезный для вас и вашей карьеры – опыт. А то вы себя, извините за откровение, совсем загнали с этой диссертацией. Как раб на галерах – точно!

Ирина молчала, внимательно слушая руководство.

– Переключитесь от чисто умственной теоретической работы на практику в Перми, отдохните таким образом – поработайте с людьми. И не с нашим избалованным столичным контингентом, а с настоящими работягами. Они же добывают копейку руками, не то, что мы с вами – умом... Посмотрите, как живут люди в провинции, каков ритм, как работают – это бесценный опыт, поверьте. Думаю, с вашим научным подходом, системным, кстати – подходом, вам не составит труда разобраться и наладить рабочий процесс филиала. Не спешите – ваша диссертация стоит в плане и уже никуда не денется. Да и нам – учёному совету, необходимо разобраться в ней. Подготовиться. Вы же позволите мне быть вашим оппонентом?

– О! Для меня это честь!..

– Где, кстати, материалы?.. Весь стеллаж? Ага, спасибо. Дубликаты в компьютере? Замечательно. Однако немаленькая у вас вышла работа.

– Так тема какая!

– Не спорю – тема грандиозная и имеет живейший интерес в современной промышленности. И у нас, и, особенно – за рубежом... А, потому может стать нашим локомотивом... Вы, Ирина Георгиевна, правы, как никто другой в нашем учреждении, в выборе темы диссертации, а потому вы – наш ценнейший сотрудник. Да-да, это не лесть, не для красного словца, это – правда... Поезжайте, наберитесь практического полевого опыта – я ведь на вас очень рассчитываю в дальнейшем – не сомневайтесь! И в Перми, кстати, я так понимаю, всё дело в пресловутом человеческом факторе. Ну а здесь я подумаю пока о вашей дальнейшей судьбе в стенах вверенного мне НИИ. Ну, по рукам?

– По рукам!

И они, улыбаясь, очень довольные друг другом, крепко хлопнули ладонями.

Ирина помчалась в Пермь, как на крыльях – шутка ли, сам директор определяет её будущее, так внимателен к её работе и так заинтересован в её личном прогрессе! А филиал – это новые грани профессии, за что директору – отдельное спасибо!

Она ехала в СВ. Её встретили у вагона, отобрали из рук багаж: «Ирина Георгиевна?! Мы вас так ждали! Пожалуйста – в машину!..», отвезли в лучшую гостиницу на лимузине, разместили в люксе.

Она рьяно принялась за работу, с удовольствием взяв впервые на себя такую обязанность, как командовать людьми. Быстро въехав в процесс, в суть проблемы, она в несколько часов разработала план и стала с невероятным энтузиазмом претворять его в жизнь. Её энергия и увлечённость передалась коллективу и буквально все – от уборщицы до директора филиала, смотрели ей в рот и бегали на цыпочках, бегали быстро и слаженно.

Московская специалистка молнией летала по предприятию, мгновенно решая возникающие вопросы, советовала, командовала, руководила чётко и понятно. Оригинально и изобретательно найдя выход, она смогла доходчиво объяснить всем участникам процесса идеи и их реализацию. Коллектив взялся, и дело закипело с невероятной скоростью! Кое-кто даже пел на рабочем месте, вспоминая советский энтузиазм и искреннее горение на работе – вот как Ирина Георгиевна (а называли её все исключительно по имени-отчеству) смогла зажечь человеческие души!

Две недели пролетели, как один день.

На вокзал пришли провожать Ирину человек двести, не меньше! У неё взяли интервью местные газетчики, записали умные слова работники радио (потом телевизионщики на них страшно обиделись – шутка ли, не сообщили коллегам по цеху о таком интересном материале!). На вокзале потому яблоку негде было упасть – натурально случился коллапс! Поезд задержали на три минуты – не все успели пожать руки «такой замечательной женщине, красивой и умной»! Не все пожелали счастливого пути и скорейшего возвращения «к нам, а то без вас теперь вообще никуда, дорогая Ирина Георгиевна!!!» Не все успевали выразить надежду, что

«с таким специалистом, с таким молодым пополнением в нашей отрасли, нам по плечу самые грандиозные планы и высоты!!!»

Ну, потому сам начальник вокзала города Пермь, узнав – в чём дело, придержал отправление.

Стоило бы говорить, как это нравилось Ире, как воодушевляло её, возносило на невероятные высоты в самомнении и понимании собственной значимости. В хорошем смысле, конечно, никакой гордыни, не подумайте. Да и вообще, Ирина никогда не была склонна к завышенной самооценке – скорее, наоборот...

Уже сидя в купе, одна, со стаканом чая, она осознала, она открыла себя саму – для себя самой (каламбур – хе-хе). Взрослую, ответственную и уникальную.

Одно дело разговор, отцовские слова, что она умная и всего добьётся, а тут две с половиной сотни человек в едином хоре (однозначно – за дело!) – возносят ей хвалу!

– Посмотрела бы на меня сейчас Ольга – с зависти бы удавилась. Точно!

Она сидела на диване, смотрела в окно на пробегающий мимо пейзаж и была совершенно счастлива.

А ведь началось это счастье с того момента, когда директор НИИ вывел её работу в приоритетные: как же это тогда воодушевило! Теперь вот коллектив незнакомых людей, в котором большинство – мужчины, (и наверняка со своими традициями, а может – и своими особыми порядками, тараканами в некоторых головах), легко подчиняется её слову и с таким усердием реализует её же идеи – совсем ещё молодой, с таким незавидным мизерным опытом девушки. Есть от чего пойти голове кругом! Её – вчерашнюю студентку весь пермский филиал поголовно называет по имени-отчеству, она проводит быстрые совещания, на которых оперативно строится модель выхода из кризиса, всё вертится, крутится, отдаёт приказ – и тут же, по-военному, определив направление главного удара, вверенные ей войска поднимаются в атаку!..

И уже через день-два видны результаты всеобщего труда – разве это не приятно, разве это не составляет смысл существования таких, как она?

Всю дорогу она улыбалась. С изумлением и удовольствием она оглядывалась на саму себя, даже вертелась перед зеркалом, с любопытством рассматривая своё отражение, стараясь уловить наступившие перемены. И видела, и отмечала их – как она сурово может сдвигать брови, как жёстко по-военному сжимать губы, как прищуривать глаза! И какой у неё, оказывается, орлиный профиль! Прямо-таки я – орлица, мать твою! И смеялась от удовольствия.

Приехала домой в субботу.

Гордясь собой, рассказывала матери о прошедших событиях – та изумлялась дочери, переменам в ней, охала, ахала, поддакивала, всплёскивала руками. Чего-то спрашивала – ну, всякую ерунду, но дочь отвечала солидно и по существу.

Ирина, не выдержав, позвонила отцу и почти четыре часа проговорила о своём заслуженном успехе.

– Ты молодец, дочка. Я так тобой горжусь.

И эти слова привели её душу в состояние невыразимого удовлетворения – от себя самой, от занятия, которого она выбрала основным, от жизни, которая, оказывается, может быть такой интересной. А также от собственного выбора, сделанного ею самостоятельно, без подсказки или нравучений.

Телефон все выходные молчал, но девушка не придавала этому никакого значения, она отдыхала. Занималась какими-то несущественными домашними делами, смотрела телевизор, пила кофе. Ей пока не хотелось ни с кем общаться.

Она собиралась с мыслями.

Потратила три с половиной часа, крася ногти.

В понедельник она произведёт фурор в стенах родного НИИ...

Прекрасно выспавшаяся, отдохнувшая, со светлыми мыслями и обожающим весь мир сердцем Ира входила в девять ровно утра через проходную в такой родной НИИ, по которому, как оказалось, уже успела соскучиться. Она улыбалась, шла чуть ли не вприпрыжку, помахивая сумочкой. Поздоровалась с охраной через стекло кабинки, щёлкнула громко и весело аппаратом, отметив проход. На проходной никого не было, а охранники как-то странно отвели взгляд, но она не обратила на эти детали никакого внимания, а пошла по аллее, ведущей к её корпусу, так же беззаботно, радуясь солнышку и ветерку, щекочущему ей чёлку.

Кое-кто ей встретился на этом коротком пути, она приветливо здоровалась. Некоторые кивали в ответном приветствии, кто-то говорил «доброе утро», а некоторые почему-то, пригнув голову, быстро скрывались из поля зрения. А кое-кто улыбался в ответ как-то странно, как будто в насмешку. Ирина парила над этими недоумками и их зависть её абсолютно не трогала.

Конечно зависть, а что же ещё.

Подходя к высоким стеклянным советским дверям своего корпуса, она увидела группу сотрудников, которые курили кучкой у урны чуть справа от входа. Они о чём-то негромко переговаривались, но вдруг разом замолчали, увидев Ирину.

– Здравствуйте! – сказала она, улыбка не сходила с её лица, делая его натурально красивым. Кто-то кивнул, кто-то отвернулся деловито, делая вид, что тушит бычок или стряхивает пепел, и это занятие гораздо важнее третьей мировой войны.

– Привет, – сказал лишь молодой парень Серёга, стажёр из техникума.

И вот здесь что-то странное, неприятное и пока толком неосоздаваемое почувствовала Ира в утреннем воздухе, как будто пахло издали из туалета – вроде уже не воняет, но хочется отойти в сторону. Это можно было сравнить с отблеском человеческой горечи, разочарования, или с тенью умершей тихо и незаметно надежды. И слышала, как бы краем уха в воздухе у дверей тонко-тонко и противно поющую, на пределе натянутую струну оголённого электрического провода, а точнее – чьего-то нерва...

Холодная волна пробежала по её лодыжкам и икрам вверх к спине.

Настроение вдруг ухнуло в пропасть, мысли разом остановились, ладони стали холодными и мокрыми.

Она вошла в фойе и сразу увидела напротив на толстой тумбе, подпирающей высокий потолок, на которой обычно вешали некрологи и объявления разного толка, большой фотографический портрет какого-то молодого в очках улыбающегося человека.

«Поздравляем!» – большими буквами было выведено красной тушью под портретом. Лицо парня было знакомым.

«Успешная защита» – эти слова алели над фотографией. Ирина подошла мимо – ей надо было пройти дальше к лифтам, она скользнула взглядом по портрету и поздравлялке – «...успешной защитой кандидатской диссертации... и присвоением научного звания...» «сотруднику нашего института...» «...научные темы столь важны в наше время...» «...перспективы колоссальны!...»

Она нажала на кнопку вызова. Рядом вроде кто-то стоял, ожидая лифт, но мгновенно незаметно испарился в неизвестном направлении.

Глаза фокусировались лишь на этой кнопке.

«...Метод спекания...» «...порошковой металлургии завтрашний день...» «...Высокая комиссия, оппоненты...» «...Присутствующие проголосовали...» «...Единогласно!...»

«...Поздравляем!...» «...Поздравляем!...» «...Поздр». П...

Кабина лифта, поскрипывая и покачиваясь, мерно донесла её до двенадцатого этажа. Двери со скрежетом разъехались, Ирина шагнула из кабинки к себе на этаж. Коридор был пуст.

Одиноко стуча каблуками, она проследовала по коридору до своего кабинета и отворила дверь – за её столом сидела какая-то размалеванная косметикой девица, которая красила ногти в лиловый цвет и играла одновременно в шарики на её же рабочем компьютере, до которого,

как было условлено с руководством, никому и никогда допуска не было. Исчезли все папки из стеллажа позади девицы с записями к диссертации, даже канцелярские принадлежности со стола, которые Ира покупала для себя на свои же деньги, были заменены стандартным офисным набором для всех. И вообще в кабинете была полностью изменена обстановка – появились ещё три стола с компьютерами и несколько шкафов вдоль стен.

Было тесно и громоздко. Душно.

– Ты кто?

Девка отвлеклась с полупрезрительным видом от своего вселенской важности дела и перевела царский взгляд на вошедшую хозяйку кабинета: круглые кукольные глаза офисной шлюхи – абсолютно именно так себе и представляла Ирина девиц такого сорта.

– А ты?.. Кто?

Нижняя губа в ещё большем пренебрежении вывалилась к подбородку, глаза стали просто до неприличия огромными, и Ира ясно увидела, как эта проститутка сосёт дирижу.

И тут до командировочной победительницы дошло.

Перед глазами чётко и ясно всплыла поздравлялка на тумбе в фойе корпуса с портретом сына суки-дирика и с названием её диссертации. Сынок заходил пару раз к ней в кабинет и в лабораторный бокс, но не заговаривал, лишь молча минуту-две, наблюдал за процессом. А потом, так и не произнеся ни слова, тихо исчезал...

Дата на тумбе была как раз на прошедшую пятницу – на вечер, именно на тот момент, когда Ирина ехала счастливая и воодушевлённая домой. Эти падлы, что шептались за спиной, единогласно проголосовали за её работу какому-то ублюдку, недоумку и неучу, только лишь за то, что он сыночек их «уважаемого» директора.

Разве не ясно – мы всем коллективом единодушно любим лизать директорскую задницу! Мы обожаем это дело, мы жить без этого не можем, не видим смысла в своём существовании – без ежедневного облизывания возлюбимого в едином порыве такого распрекрасного зада! И каждый из нас считает своим душевным долгом при всяком удобном и даже не очень удобном случае, как можно мягче и нежнее, от всей верноподданнической любвеобильной души, приходя от этого в благоговейный восторг, лизнуть и:

- А-а-ах! Какая же-е у-у-у ва-а-ас-с! Ж-ж-жо-о-о-она-а-а-а-а-а-а!!!

А выскочкам со своим индивидуальным мнением нет места в нашем сплочённом к начальственной заднице коллективе, где практикуется общее связывание языков в единый, капающий слюнями, вихляющийся ловкий жгут. Где сердца бьются в унисон девиза: «Лизать, лизать, лизать». Кто проявит свою строптивость в этом архиважнейшем деле, кто захочет идти своей дорогой, петь собственную песню, а – значит, не скован с нами одной цепью обожания начальственной жопы, того – вон. Вон!!! Независимость и упрямство в святом деле жополизства?! Во-о-он!!! И да будет так во все времена и веки вечные в стенах вверенного нам института! И пусть эти выскочки убираются из нашего тёпленького, так опасющегося всяких случайных сквозняков, а потому привычно вонючего, прямо так мило и по-домашнему вонючего, родного НИИ – куда-нибудь подальше на холод. Туда, где они могут творить чего угодно в своём непонимании остроты момента их жизни, карьеры и иерархии, туда – где гуляют анархически вольные ветра, а потому нет нашего объединяющего запаха. Нам же здесь на нашей лесенке в небо, в уютном, засранном собственным крепко-накрепко склеивающим дерьмом гнёздышке, такие выскочки-чистюли не нужны. Здесь над нами наша любимая задница, которая нас холит и нежит, кормит и поит всласть...

В тот день у Ирины впервые ярко и ужасно проявилось особое свойство её психопатии: ярость, бешенство, дикая злоба, гнев – порождённые чрезвычайной силы обидой. Какие ещё определения отрицательных сильнейших эмоций можно привести в попытке описать то ужас-

ное состояние души девушки – так гнусно обманутой, так вероломно расстрелянной в её самых светлых надеждах?! Какими эпитетами можно было описать идеальный шторм в её душе, крутящий свои вихри на сотни километров в диаметре, выделяющий разрушительную колоссальную энергию, сносящую походя города и страны, маяки и небоскрёбы, сравнивающий с ликом планеты острова, порты, аэродромы и детские сады?..

Она пришла в себя в вагоне метро. Точнее – как бы проснулась, хотя ясно было, что в предыдущий период времени она не спала. Не могла же спать днём и на ногах.

Ира сидела на лавке, и из неясного отражения напротив на неё смотрела незнакомка с такой болью в глазах, что ей самой стало страшно...

Почему-то саднило ладони – они были в царапинах и уколах. Руки вообще все были в ссадинах, ногти, с которыми она провозилась столько времени накануне, почти все безобразным образом обломаны.

Дёргало под правой коленкой тупо и наплывами...

Сумочки с собой не было – а там деньги, документы и телефон.

Как она вошла в метро?..

На губах она ощутила такой знакомый после стычки с Джариком солоноватый привкус крови. Болели запястья, как будто она пробежала на лыжах сто километров.

«Что я сделала такого?..»

– Ничего... – услышала она рядом с собой, – ничего, милая... Всё образуется... Молиться надо...

Ира повернула голову и увидела рядом с собой старушку, которая участливо смотрела на неё. В глазах бабушки стояли слезинки, как будто она почувствовала сердцем боль девушки. А может – так и было...

– Господь сподобит, матушка; Господь любит нас, вот увидишь...

– Что?..

Ира вдруг поняла, что она ничего не помнит.

...А что-то большое и противное желеобразной массой колыхалось в груди девушки, смущая тягучими волнами, отблесками каких-то гадливых эмоций, чужих неприятных слов... Всё это было придавлено многотонной плитой забвения, которую эта масса пыталась сдвинуть и вырваться наружу. Ира понимала, что если это страшное воспоминание вырвется на свободу из её памяти – произойдёт взрыв, который погонит настолько грязную волну, что можно захлебнуться в этой противной массе...

Но вспомнить было необходимо, и Ирина напрягла лоб, пытаясь вызвать в памяти картинку прошлого, недавно прошлого. Вагон мерно качался. Бабушка кивала ей в такт.

Вот идёт по аллее *Ира*, мужики прячут глаза.

Вот ручка двери, я протягиваю к ней свою руку, ясно вижу ладонь и пальцы с накрашенными ноготками.

– Привет, – говорит *Серёга*, у него чуть хриплый голос, никогда не обращала раньше, что у него такой тембр, как у молодого *Высоцкого*. Интересно, а на гитаре он умеет играть?.. Чёрт, не туда, обратно. Вот иду по аллее. Вот мужики курят, дверь, привет... Ага, наше фойе... Тумба с поздравлялками, на ней что-то белеет... Лифт. Мой палец нажимает кнопку вызова. Такой цвет лака красивый – тёмносиневатый, с блёстками. И пахнет очень приятно. Лифт скрипит, когда же его отремонтируют, ему же сто лет в обед?..

Девушка помотала головой в досаде – мысли всё время уводили на какие-то несущественные и ранее не замечаемые ею детали. И никак не видит свой отдел.

*Лифт, так. Скрипит. Мои ногти. Выхожу.
Стук каблучков. Вот дверь...
Открываю...
Отк...*

Нет. Как туман какой-то, как серое бестелесное облако.

А, вот старушка рядом, может она чего знает?

– Скажите... А где я?

Где... И сколько времени? Сколько времени она в метро и куда едет?

Бабушка кивает ей, гладит маленькой высохшей ладошкой по руке, блестят в уголках глаз слезинки.

Поезд тормозит – станция! Какая, какая?!

– Станция Павелецкая, – говорит ей тётя-объявлялка.

– Павелецкая! – вскрикивает Ира, инстинктивно хватаясь за старушку: до дома совсем недалеко!

И тут карман плаща завибрировал – телефон! Когда же она его успела переложить из сумочки – вот удача!

Ира засунула руку в карман и достала тихо тренькающий телефончик – но это был не её аппарат коммуникации современного человека, а чей-то маленький и чёрный, у неё же ещё утром была раскладушка радостно оранжевого цвета. И трезвонила так полонез Огинского, что хоть уши затыкай. Девушка, немного подумав, всё-таки нажала кнопку соединения.

– Ирочка...

– Да?

– Ирочка!!! – истерично завопила Любовь Онуфриевна. – Ты где, моя заюшка!!!

– Чего ты кричишь... – Ира отодвинула с мгновенно вспыхнувшим раздражением сотовый от уха.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – Таганская, – голос метрополитеновской объявлялки был сегодня какой-то затейливый и игривый, как у бабушки, рассказывающей внукам сказку «Про белого бычка». Двери с шипением захлопнулись.

– Она едет на Таганскую! – услышала Ирина голос матери. – Она в метро!

– Мама, в чём дело? Я из-за тебя свою станцию пропустила, мне придётся сейчас возвращаться.

– Возвращайся, доченька, возвращайся скорее: мы тут тебя все ждём.

– Кто это мы? – поезд, набирая скорость, уносился в тоннель, грохот колёс становился всё оглушительнее, – кто это там у тебя?

– Мы все ждём. Мы здесь... мы тебя очень...

Связь прервалась.

– Чей это телефон? – спросила девушка у соседки, но та лишь жалостливо улыбалась, кивала ей в ответ.

– Помолись, дочка, – тихо сказала она, покачиваясь вместе с несущимся в чёрные бездонные дали подмосковья вагоном. Сказал тихо, но Ира её расслышала, возможно – поняла по артикуляции губ. – Господь сподобит, Господь – милосердный. Ты только покайся в грехах своих и попроси, а Он – даст, обязательно даст, милая...

Ира встала, хотя перегон ещё не закончился, но сидеть ей уже не хотелось: слушать проповеди, рассуждать о боге и формулировать к непонятным и неосязаемым ею силам – верх бессмыслицы.

Она сделала четыре шага к дверям, ухватила за поручень и опять посмотрела на своё отражение. И тут всё вспомнила. Как-то абсолютно спокойно и всё до секундочки, разом.

Она разглядывала своё суровое лицо со сдвинутыми бровями и тонко сжатыми губами, не знавшими поцелуев, со лбом, перерубленным двумя вертикальными складками мрачных морщин опыта и власти – и из окна на неё смотрела умудрённая жизненным опытом женщина лет этак пятидесяти. И этот опыт говорил ей, что прощать кого-то, и, упаси боже, просить самой за что-то прощения, она не намерена. Наоборот – она даст такого пистона, пропишет такую клизму этим сволочам, что им, падлам, жить станет тошно!..

И медленно всплывшее в сознание понимание того, что у неё украли диссертацию – её смысл и радость, успех и удовольствие всей жизни, не привёл её душу в состояние раздражённого унижения. Отнюдь. Тупая глухая ненависть разрастающейся волной цунами полетела своей гигантской всё сокрушающей массой на чистенький и аккуратненький пляж воров, где они отдыхают после дел несправедливых под ласковым южным солнышком.

А они в это время беспечно пьют синий приторный кюрасао, текилу-маму, вискарь со льдом и всякие другие напитки, трахают визгливых дешёвых, пляшут под шансон, судачат, как ловко они провели эту лошару и считают, что жизнь удалась...

– Я отомщу, – тихо сказала Ира отражению, и суровая женщина кивнула ей в ответ.

– Отомсти.

И цунами с тысячедецибельным грохотом падает на пляж...

Ирина вышла на станции, на лестнице перехода отметила, что очень болит правая голень – где-то ударилась, но это не важно.

Доехала до своей Автозаводской, дохромала до дома – мать звонила почти непрерывно, уточняла её передвижения. Волновалась, как никогда.

Дома был Содом и Гоморра. Накурено жуть как, народу вагон и маленькая тележка, все столпились в прихожей, тискали, чуть ли не терзали в чувствах по очереди и одновременно Иру, не давая ей раздеться – мать и Ольга просто висели в слезах на ней, отец с Галиной чего-то говорили ободряющее, девушка толком не вслушивалась.

Она прошла в комнату, села на диван, все переместились за ней, кто-то дал в руки чашку с чаем, вот здесь почувствовала усталость. Но народу надо было всё знать и Ирине волей, неволей пришлось отвечать на вопросы, как-то фокусировать внимание на собеседниках.

Да, здесь были папа со второй женой и оба сводных брата-подростка – Стёпка и Шурик.

Давал советы сантехник-сосед, друг семьи и тайный воздыхатель Людмилы Онуфриевны. Молчал участковый в углу. Потом тихо испарился.

Взирали на этот бедлам, скрестив руки на груди, пара институтских подружек – серых чулков, не замужем. Им казалось, что они в каком-то вертепе на шабаше безумных страстей.

А также само собой – Ольга и несколько одноклассников, которые не разъехались после школы по стране и миру – в общем, Любовь Онуфриевна собрала всех, кого смогла достать.

Ирина переделалась в ванной комнате и только тут обнаружила кривой разрыв колготок под правой коленкой, кожа была рассечена, но кровь уже запеклась, приклеив колготки к ноге.

«Да и хрен с тобой», – и пошла на кухню.

На кухне восседал Серёга – тот самый стажёр, который поздоровался с ней перед корпусом. На столе перед ним стояла чашка кофе и пепельница, набитая окурками. Мать тут же засуетилась, хотела убрать пепельницу, но ввалившийся на кухню народ не дал ей это сделать, и она так и стояла рядом с дочерью, держа в руках «благоухающий» объект. Серёга же курил почти непрерывно, стряхивая пепел в свернутую трубочкой газету.

А он был в центре внимания и видимо, не в первый раз повторял историю битвы Ирины с девкой, оккупировавшей незаконно её владения.

– А, вот и наша гарпия! – с довольной улыбочкой приветствовал он Ирину. – А мы тут, понимаешь, плюшками балуемся!

– Вот Серёженька, какой молодец, вещи твои привёз! – затараторила Любовь Онуфриевна, – рассказал нам, как у тебя всё там... Как ты там...

– Прославилась! – с иронией вставил Георгий Иванович, и дочь его аж поёжилась.

– Ну, ты, мать, сильна! – продолжал рассказчик. – Ты, кстати, трубу-то мою верни.

– Какую?... Ах, да...

– Вот. Мы ж тебя вчетвером, представляете, силища какая – вчетвером не могли удержать! Восторг! Я такого в жизни не видел! Ну, ты сильна, мать, в гневе!

– Твой телефон у меня в плаще – в правом кармане.

– Я принесу! – тут же метнулась в прихожую Ольга.

– А мои вещи... сумочка?

– Всё здесь! – воскликнула мать, – всё Серёженька принёс, всё твоё сберёг, мальчик наш золотой!

– Ой, да не надо! – но Сергею явно нравилась такая лесть, – любой бы на моём месте так же поступил.

– Вот ваш телефон, – через стол Ольга протянула парню его трубку, а у него тут же изумлённо раскрылись глаза – да, Ольгина грудь, это было действительно – зрелище!..

Мышки незамужние вздохнули, мужчины хмыкнули, Ирина проигнорировала, её мать же как-то истерично хохотнула...

– Так что было-то?

– А, да, – Сергей оторвал взгляд от Ольги, которая открыто и призывно улыбалась ему. – Как ловко ты у меня мобилу из кармана выхватила! Прямо как заправский карманник, ха-ха!

– Я не карманник.

– Это Серёженька шутит.

Любовь Онуфриевна взяла из рук Ольги телефон и передала его парню через стол. Сергей осмотрел его и сунул в карман рубашки.

– Покормите ребёнка! – громко потребовал отец, – борща налейте, копуши.

Есть Ире не хотелось, она вяло гоняла ложкой мясо по тарелке, клонило в сон, звуки долетали всё глуше и глуше. Но сильно болела нога и это как-то раздражённо бодрило.

– Пойдём-ка спать, дочка, – Георгий Иванович взял за плечи Ирину, помог встать и отвёл в комнату.

Там он ей помог раздеться, как когда-то очень давно в детстве. Хмыкнул, увидев рану на голени. Потом девушка сквозь сон чувствовала его руки, ощупывающие ногу, было немного неприятно, когда отец обрабатывал порез перекисью водорода и накладывал пластырь. Колготки он просто срезал ножницами, почти без труда убрав сохший участок с кожи.

– Спасибо, папа...

Она уже не видела его, а отец покачал головой, поправляя на ней одеяло. С его сыновьями было всё ясно – что, когда и почему, а вот дочь для него так и осталась непрочитанной книгой, и он понимал, своим мужским разумом понимал, что основные неприятности будут впереди...

И опять ей снился тот же сон. По-прежнему она сидела на краешке дивана, делая толи математику, толи чистописание. Взрослые люди неясными сумеречными великанами журчали рядом, бурчали, толклись бестолково...

– Ушастая! – рывкнул вдруг кто-то над ухом, и она тут же проснулась, вздрогнув всем телом, падая от неожиданности в пустоту с подлокотника дивана...

На кухне не стесняясь, разговаривали в голос, считая, видимо, что утомлённая девушка видит сны, и ей нет дела до сплетен про неё.

–... Не, вы представляете – держит эту Вальку, подстилку, и ещё, говорят, её потрахивает начальник охраны, держит прямо вот так обеими руками за шкирма, бросив её как мешок с

дерьмом на стол, и рычит натурально прямо в лицо! Рычит! Как тигрица, блин! Ха-ха! Комп, всё такое там, что было, взмахом так, как прямо дирижёр палочкой, как Карл, твою мать, двенадцатый, на русских под Полтавой свои полки – Валькиной башкой пушистой вжах! Всё на пол! А Вальку-проститутку, прости господи, как мешок...

– Дальше, Сергей!

– Так я ей – Ирка, Ирка, дур-ра, что ж ты, отпусти эту шлюху-то. На хрена она тебе, подстилка? А Ирка мне в лицо глазищами – зырк! А та-ам! Ой, мать... Бешенство! Такое, что вообще в жизни не видел! Готика! Натурально берсерк! Викинги древние встали из гробов, чтоб с Валгаллы приветствовать свою дочь! Вот опять грядёт Рагнарёк!..

– Можно без поэтических отклонений?

– А мне нравится. Серёжа, вы, наверное, стихи пишете?

– Оля – откуда вы знаете?

– Я чувствую.

– Да, пишу. И песни пишу.

– Молодец. А дальше то что, Сергей?

– А дальше, Георгий Иванович, мы с Михалычем, с отдела нашего мужиком и ещё с двумя парнями – Генкой с финансового и Степан Дмитричем с...

– Без подробностей, кто и что. Про действие рассказывайте, поэт вы наш, правдуроб.

– ...А! Со Степан Дмитричем с отдела низких температур, а потом ещё подбежал этот, как его...

– Дальше! Дальше! – нестройный галдёж.

– Да! Хрен с ним! Короче, вчетвером её держим, пытаемся руки расцепить, остальные стоят, смотрят – театр, блин! Валька визжит так, что явно рождает ёжика нам в коллектив, а Ирка рычит, как раненая пума, если б вы слышали! У-ух, мать моя женщина, если бы вы слышали! А потом вдруг поднялась с Валькой со стола и её за шкирма, а та воет просто на высоких тонах, как истребитель МиГ-29, сейчас на взлёт пойдёт!..

– Дальше – что!!!

– Так мы её отпустили – думали, она Вальку сама отпустит, а та вдруг ей с ноги, как Оношко пенальти – ка-а-ак! Хер-р-рак!!! Твою ма-ать, хотела ей по шам за-да-да-дать!! А прямо ногой в стол! Грохот такой, как... как...

– Ну-у-у?!!

– А ведь девушка всё время такая тихая, вся в работе, понимаешь, вот ведь скрытый потенциал какой! Я прям вообще, ну так зауважал! Резко!.. Глаза её прям – м-м-м, как ща перед глазами стоят! Ну, я ж понимаю – суки они: дирик с сыночком, хреном с этим, падлой!.. Гад такой, ща ведь на Мальдивы за наш же счёт, улетел – типа отдохнуть после защиты... Ага, спасибо... Кофе класс ваше, тёть Люб... Я ж не голосовал за него, я – воздержался, честно! И многие, кстати, воздержались, я знаю – мужики наши, с отдела и другие. А председатель, жополиз долбанный – хрясь молотком об стол! «Единогласно», сука! Вы представляете?

– То есть в Вальку Ира не попала?

– И не попала, как есть – не попала! А если б попала – зашибла бы, точно! А так только стол, который двумя надо двигать, чуть ли не к стенке отлетел!

– Ой, заливаешь, Сергей!

– Не, тёть Галь, вот вам крест!

– Ага-ага – крест!

– Дальше что?!!

– Дык, мы опять её хотели схватить, шоб не зашиблась сама и Вальку не добила, так она как фурия – раз! И Генке, он её сзади так, локтём – в глаз! А Михалычу сцарпала ногтями по лицу, Валька падает без сил, я сам пытаюсь как-то придержать обеих, так Ирка ко мне в карман – цоп телефон! Толчок мне в бок, и бежать!

– Серёженька, ты же простишь Иришку, она ж не со зла.

– Да что вы, Любовь Онуфриевна, не беспокойтесь, я ж не дурак какой, не чурбан бесчувственный, я – всё ж понимаю... Это ж какой сюжет, а? Какая страсть, – закачаешься! Я вообще восхищаюсь вашей дочерью – такой устроила разгром! Как третья мировая война, в натуре всем песец! Если бы кто на этаже из руководства был бы в тот момент – точно, им бы настал полный цугундер! Она ж по коридору бегала, орала так, что стёкла едва не вылетали, в двери дёргалась. А там, как на грех, все ж попрятались, все ж в жопу языки свои позапикивали! Ведь никто на эту шайку-лейку до сих пор и не вякнул, жополизы сучьи! А она – как царица Тамар, в атаку на превосходящие силы, ув-важаю... Я точно, как практику закончу, вот помяните моё слово – ни на секундочки там не останусь, сразу на производство!

– Серёжа, а хотите мою клюковку попробовать?

– Да, но об этой Валентине придётся побеспокоиться...

– Да хрен с ней, с этой дурой!

– Да вот не скажи!

– Клюковка ваша, Любовь Онуфриевна, знаю, хороша.

– Да-да! Кто будет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.